

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЛОВИТЕ КОНСКИЙ ТОПОТ. Том 2

ДОЛГОЖДАННАЯ
НОВИНКА
ОТ МАСТЕРА
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ
ИСТОРИИ

Василий Звягинцев
Ловите конский топот.
Том 2. Кладоискатели
Серия «Одиссей покидает
Итаку», книга 15

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171891

Ловите конский топот : фантастический роман в 2 т. Т. 2 :

Кладоискатели: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-31232-0

Аннотация

Александр Шульгин, а вслед за ним и Андрей Новиков надеялись, что дуггуры, столкновение с которыми в одной из альтернативок едва не стоило Шульгину жизни, так и останутся лишь эпизодом в их богатой на приключения судьбе. Однако дело оказывается намного серьезнее, а возможности новых врагов – значительно разнообразнее. Появляется реальная угроза захвата дуггурами Земли Главной Исторической Последовательности и прекращения ее дальнейшего существования. Андреевское Братство снова начинает бой во времени и пространстве. Теперь его полем становится Южная Африка конца XIX века. И не случайно. Ведь разгоравшаяся там и тогда англо-бурская война,

о которой наши современники знают в лучшем случае по романам Конан Дойла и Буссенара, имеет для будущего гораздо большее значение, чем просто эпизод в британской колониальной политике...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Глава третья	60
Глава четвертая	96
Глава пятая	124
Глава шестая	150
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Василий Звягинцев

Ловите конский топот

Книга вторая

Кладоискатели

*Еще один старинный долг,
Мой рок, еще один священный!
Я не убийца, я не волк,
Я чести сторож неизменный.*
Н. Гумилев

Глава первая

Возвращение в Замок прошло благополучно, хотя у Новикова до последней секунды имелись на этот счет серьезные сомнения. Он опасался, что полученная им психическая контузия могла нарушить неизвестные тонкие структуры и повторился бы «калейдоскоп». Так он обозначил ситуацию, в которой оказался невероятно, по его ощущениям, давно. В конце двадцатого года, когда Сильвия заманила его из загородного поместья под Истборном на Валгаллу. Она тогда использовала необычную методику, совсем не похожую на создание межпространственного тоннеля «по Левашову», с

помощью СПВ. Не слишком для Андрея это оказалось удачно.

То ли у нее настройка блок-универсала сбилась, то ли сам Новиков в последний момент, подсознательно, вздумал *отыграть назад*. И разделился на *составляющие сущности*. Базовая, включая физическое тело, благополучно прибыла в «шлюзовую камеру» на аггрианской станции, где человек мог существовать, изолированный от «обратного времени». А *эфирная*, или попросту – душа, заблудилась между равновероятными вариантами телесного воплощения. Поочередно он попадал в красный концлагерь, в котором врангелевский генерал Новиков оказался в результате гипотетической военной неудачи; в охотничью избушку, удивительно похожую на ту, где Шульгин оборонялся от монстров; на палубу «Призрака» во время боя с загадочными торпедными катерами... И везде присутствовали странные женщины, красивые, но неумолимо влекущие к смерти. Суккубы, что ли?

Еле-еле удалось *воссоединиться*, с четвертой, почти безнадёжной попытки.

Позже, намного позже оказалось, что *варианты* имели отношение к его последующей жизни. За исключением концлагеря. Так ведь еще и не вечер?

На этот раз ничего подобного не случилось. Тела и «души» пересекли пучину *эфирного океана* синхронно и синфазно, их согласование «по месту» заняло совсем немного времени. Без накладок, похоже, а там кто его знает...

Удолин вышел из транса несколько раньше их появления, приветствовал друзей взмахом руки и несколько самодовольной улыбкой.

– Совершенствуемся, господа, совершенствуемся! Задача была трудной по любым меркам. Не думаю, что кому-нибудь из ныне практикующих магов она по силам... Трансгрессия такого масштаба, и ведь не инертной массы, мыслящих существ... Ну, приводите себя в порядок.

Они переоделись в оставленные перед рейдом костюмы. Умылись и наскоро побрились, на Валгалле недосуг было заниматься такой ерундой.

Настенные часы показывали, что все предприятие здесь заняло лишь двадцать четыре физические минуты. Девушки в своей комнате вряд ли успели соскучиться. Может, еще и обидятся, если прервать их общение. В любом случае прежде всего нужно обменяться мнениями с Удолиным.

Профессор был крайне удовлетворен результатами эксперимента.

– Прежде всего, мы убедились, что мир, описанный Александром, не вымышлен. Он не в полной мере совпадает с тем, где вы только что побывали, но различия скорее «стилистические». При более глубоком и систематическом проникновении мы наверняка выяснили бы массу интереснейших подробностей, но на первый случай достаточно. Подлинность личностей, с которыми вы встречались, тоже не вызывает сомнений. Там не «серая зона», они на самом деле

адекватны и конгруэнтны земным аналогам, то есть, короче говоря, не есть фантомы или порождения потусторонних сил. Вернувшись на Землю, не потянут за собой никаких «теней».

Кроме того, я сумел зафиксировать частоты, на которых ты, Андрей, «переговаривался» с дуггурами. Они исходили из уничтоженной вами «медузы», и я пока не уверен, что в своем мире, общаясь между собой, означенные существа используют такие же. Я не уверен и в том, что отсюда, из Замка, удастся послать сигнал за пределы границы миров, разделяющей нас и их. Из «настоящего» времени – может быть. Однако нельзя исключать, что мы с ними существуем в слишком разных мыслесферах, связь между которыми возможна только посредством эфирных мостов, отнюдь не напрямую. Совершенно так, как ни одному некроманту не удалось непосредственно связаться с настоящим «загробным миром». Почему мы и не располагаем достоверными сведениями, что там происходит...

– А как же, – спросил любознательный Шульгин, – Артур, Вера и похождения Ростоккина? Самые что ни на есть загробные дела...

– Ничего подобного, – замахал перед нашими носами длинным пальцем Удолин. – «Серая зона», только и единственно. Кое-кто из нас может проникать в нее отсюда, кое-кто – оттуда. Это как бы барьер безопасности между абсолютно несовместимыми сущностями. Есть мнение, что еги-

петские и шумерские жрецы имели прямые контакты с *другим* миром, но документальные подтверждения отсутствуют. Да и что бы я делал в захребье Осируса, Изиды, Мардука и прочих? С тех пор так все изменилось, усложнилось...

– Это точно, – подтвердил Шульгин, вспомнив собственный визит в IX век до нашей эры. – Не думаю, что их «тот» свет был лучше «этого».

– Так что, будем искать «серую зону» между нами и дугурами? – спросил Новиков.

С момента возвращения он непрерывно прислушивался к себе и с радостью отметил, что сидевший в нем источник тоски и боли исчез. Он снова был в полном порядке.

– Именно и непременно. Материалов вы мне предоставили достаточно. Дело за мной. Что я вам еще скажу... – Константин Васильевич разлил всем специально для него сотворенный коньяк, чрезвычайно старый и редкий. Новиков обратил внимание, что уровень жидкости в бутылке с момента их ухода не понизился. Это понятно, находясь в трансе, профессор пить не мог. А сейчас решил восполнить упущенное, да и другим невредно подправить эмоциональный баланс. – Про ваши планы отправиться на поиски приключений я знаю. Хотел составить компанию, вновь пережить молодость, исправить кое-какие ошибки. Теперь решил по-другому. Если вы не станете возражать и обеспечите достаточное финансирование, я мог бы собрать по всему миру сильную команду специалистов в нужных областях. Чтобы с на-

шей позиции вплотную заняться проблемой дуггуров. Более того, свою лабораторию я мог бы развернуть там, откуда вы только что вернулись. Если вы сможете договориться с мадам Дайяной и переправить меня туда в физическом облике. Эфирные тела пригодятся мне для экспериментов...

Идея Удолина в первый момент показалась Новикову дурацкой, а во второй – гениальной. Не с его точки зрения, с противоположной. Нет, профессор, само собой, будет заниматься своими исследованиями, наверняка небесполезными, но под этим прикрытием можно организовать еще одну операцию...

После пережитых душевных мучений сейчас думалось легко и раскованно.

Обсудив еще кое-какие практические вопросы, связанные с посещением Валгаллы, странники вернулись, как ни в чем не бывало, в комнату, где их ждали дамы, на самом деле не заметившие непродолжительной отлучки кавалеров. Нашлись у них свои, достаточно интересные темы, да и десерт, организованный для них Шульгиным, способствовал непринужденности общения. Они, словно древние римлянки, возлежали на удобных диванчиках по обе стороны низкого столика, дымя сигаретками и прихлебывая прохладительные напитки.

Все-таки трудно привыкнуть к таким коллизиям – у одних прошло полчаса, у других почти трое суток увлекательных

приключений и смертельного риска. Лица до сих пор горели от мороза, ветра, жесткого снега.

Новиков собирался отложить рассказ об их рейде до общего собрания, но не получилось. Ирина, несмотря на розоватый свет прикрытой шелковым абажуром лампы, с одного взгляда заподозрила неладное. Как та жена, что по звуку вставляемого в дверь ключа определяет, сколько муж выпил.

Привстав на своем ложе, она спросила ледяным тоном:

– И где же вас на этот раз черт носил?

Лариса тоже села и начала всматриваться. Взгляд ее не сулил ничего доброго. Левашову как минимум.

– Да о чем ты? – стараясь, чтобы голос звучал естественно, первым ответил Олег. – Полчаса всего... Ну, сидели, разговаривали. Ну да, по сто грамм приняли, конечно...

– Никогда ты врать не научишься, – махнула рукой Лариса. – Знаю я ваши полчаса. И год могли прошляться. Давайте, колитесь, а то хуже будет...

Левашов, конечно, не выдержал. Другого выбора ему не оставалось. Остальным, впрочем, тоже. Не пристало взрослым серьезным мужикам запираться и отнекиваться, как застигнутым за курением в школьном туалете пацанам. Ну и пусть его, думал Андрей, прислонившись к мягкой спинке дивана, наслаждаясь покоем, близостью Ирины и очередным переходом от смертельного риска к безответственности и безопасности. А главное – концом депрессии.

Ароматный ликер пригубливал просто так, ради вкуса и

запаха, отмечая для следующих литературных записей, насколько отличается восприятие той же самой жизни, когда меняется одна-единственная из ее составляющих. Ему не приходилось страдать хроническими, изматывающими, безнадежными телесными болезнями, душевными – тем более, но сейчас он впервые понял, как это ужасно и каким счастьем может быть избавление.

Олег рассказывал о возвращении на Валгаллу, о битвах с монстрами, о Базе, Учебном лагере, Дайяне и ее воспитанницах подробно и ярко, при этом тщательно пропуская ненужные, неуместные здесь и сейчас подробности. В самом начале Андрей поймал его взгляд, едва заметное подмигивание. Не перебивай, мол, не вмешивайся и не ляпни чего-нибудь лишнего.

Да уж конечно, практиканточки – это никого, кроме нас, не касается.

А в целом получалось у Левашова хорошо. Литературно. Достоверно и без натуралистических подробностей.

Шульгин слушал, потягивая коньяк и благодушно улыбаясь.

«Стоп», – сказал себе Новиков, когда мягкая ладонь Ирины коснулась его руки. Она наверняка что-то почувствовала. Его внутреннюю напряженность, или никому другому не заметную фальшь в словах Левашова. Так и на самом деле – ей слушать рассказ Олега – как старослужащему капитану Максиму Максимовичу излияния прапорщика Печорина о Кав-

казской войне. Его сразу охватило чувство любви к ней, благодарности за ласку и понимание, желание тут же, не стесняясь окружающих, начать целовать сначала эти милые пальцы, потом выше, выше, шею, лицо...

«Стоп! Это – опять симптомчик. Переход из депрессивной фазы в маниакальную». – Новиков был достаточно начитан в популярной медицинской литературе, да и многолетнее общение с Шульгиным кое-чего стоило.

Вот на чем его подловили дуггуры! Ни к чему им было проникать в глубины его изощренного интеллекта и гасить способности кандидата в Держатели. Попали в болевую точку древних мозговых структур. Сидела там от общих обезьяноподобных предков унаследованная склонность к циклотимии.¹ Все гуманоиды, в силу специфических особенностей эволюции мозга, в качестве расплаты за разум обязательно оказываются привязанными к психическому маятнику, раскачивающемуся между шизофренией и циклотимией. А там уж как кому повезет.

Слава богу, что шизофрения – не его удел. Было бы гораздо противнее. Значит, большую часть жизни он прожил при акцентуации в сторону гипоманиакальности. Отсюда оптимизм, веселость, бесшабашность, способность к стремительным и неизменно верным решениям, озарениям и тому по-

¹ Циклотимия (циклофрения) – то же, что маниакально-депрессивный психоз, психическое заболевание с периодически возникающими расстройствами настроения в виде сменяющих друг друга приступов маниакальности и депрессии.

добное.

Тем страшнее оказался провал в подспудно копившуюся депрессивность.

Андрею сейчас хотелось радоваться жизни со всей разнужданностью. Но самоконтроль сохранялся.

«Как наилучшим образом дать выход этой вспышке?»

Ответ явился сам собой.

– Сашка, найди мне гитару!

Новиков очень давно не пел в компаниях, времена и самоощущение чересчур резко изменились. Как бы не ошибиться – Альбе с космонавтами пел последний раз или офицерам-корниловцам после взятия Каховки? Наверное, тогда. После – было не в настроение.

Ну и ладно!

Шульгин на минутку вышел из комнаты, вернулся с инкрустированной перламутром шестистрункой. Андрей бегло ее осмотрел, попробовал взять несколько аккордов. Гитара была великолепна, под его руку настроена.

Лариса смотрела на Новикова странным взглядом. По-своему, но чувствовала, что какие-то изменения и в Левашове, и в остальных произошли.

Андрей, утрированно подражая признанным (и призванным) в аристократических кругах исполнителям, сбросил с плеч куртку, лихо хлопнул рюмку, отошел в угол, откуда акустика обещала быть *правильной*, поставил ногу на резной табурет.

Еще раз пробежал пальцами по ладам. Годиться.

Ему захотелось спеть нечто разнузданное, отвязное, на грани пристойности, а то и за ней, типа частушек, что орут крепко выпившие мужики и бабы в среднерусских деревнях, но он сдержался. Джентльмен остается джентльменом, даже когда у него начинает сносить крышу.

Пожалуй, исполним вот что:

Мы прекрасны и могучи,
Молодые короли,
Мы парим, как в небе тучи,
Над мирбжами земли.
В вечных песнях, в вечном танце
Мы воздвигнем новый храм,
Пусть пьянящие багрянцы
Точно окна будут нам.
Окна в Вечность, в лучезарность,
К берегам Святой Реки,
А за нами пусть Кошмарность
Создает свои венки.
Пусть терзают иглы терний
Лишь усталое чело,
Только солнце в час вечерний
Наши кудри греть могло.
Ночью пасмурной и мглистой
Сердца чуткого не мучь.
Грозовой иль золотистой
Будь же тучей между туч...

Новиков сам почувствовал, что получилось. Лариса даже захлопала в ладоши, не сдержавшись.

– Давай еще...

Андрей мельком взглянул на Ирину. У той песня восторга не вызвала.

Хорошо. А что бы для нее вспомнить?

Потянуло спеть нечто однозначное и оптимистическое, вроде: «Я уходил вчера в поход, в далекие края, платком махнула у ворот любимая моя...», но само собой вышло чуть-чуть иначе.

Словно бес под руку толкал.

Главное, первые аккорды под текст подобрать...

Пошло...

Пять могучих коней мне дарил Люцифер
И одно золотое с рубином кольцо,
Я увидел бездонность подземных пещер
И роскошных долин молодое лицо.
Принесли мне вина – струевого огня
Фея гор и властительно-пэрпурный Гном,
Я увидел, что солнце зажглось для меня,
Просияв, как рубин на кольце золотом.
И я понял восторг созидаемых дней,
Расцветающий гимн мирового жреца,
Я смеялся порывам могучих коней
И игре моего золотого кольца.
Там, на высях сознания – безумье и снег...

Но восторг мой прожег голубой небосклон,
Я на выси сознания направил свой бег
И увидел там деву, больную, как сон.
Ее голос был тихим дрожаньем струны,
В ее взорах сплетались ответ и вопрос.
И я отдал кольцо этой деве Луны
За неверный оттенок разбросанных кос.
И, смеясь надо мной, презирая меня,
Мои взоры одел Люцифер в полутьму,
Люцифер подарил мне шестого коня,
И Отчаянье было названье ему...²

– Может, пока хватит? – не то попросила, не то потребовала Ирина.

Андрей согласился.

Посидели еще немного, обсуждая кое-какие детали их отчаянного путешествия, и засобирались. Первым – Шульгин. Друзья-то со своими благоверными уже объяснились, а ему это только предстоит. Так чего оттягивать? Подробный разбор решили оставить на потом.

По пути к лифту, отпустив женщин и Левашова вперед, Шульгин придержал Новикова за локоть.

– Что-то нехорошо с тобой, а?

– Есть немного. Похоже, получил по мозгам сильнее, чем показалось вначале.

– Головокружение, тошнота, в глазах двоится? Слуховые,

² Здесь и выше – стихи Н. Гумилева.

обонятельные, зрительные галлюцинации?

– Чего нет, того нет...

– Голосов не слышишь?

– Да ну тебя! В таких пределах я и сам в психиатрии разбираюсь. Просто настроение препоганейшее, переутомился, видать, окончательно...

Он в нескольких словах объяснил Сашке, что с ним творилось последние сутки, и назвал предполагаемый диагноз. Как всякий неожиданно заболевший человек, надеясь, что опытный врач тут же его успокоит и развеет страхи.

Но Шульгин, знающий пациента, как себя самого, напротив, посерьезнел.

– Похоже, весьма похоже. Говоришь, было совсем плохо. Когда вернулись – развеселился, а сейчас опять?

– Именно...

Андрей на самом деле чувствовал, что депрессия возвращается в полном объеме.

– Вообще по науке так не бывает. Обычно фазы куда более продолжительные, неделями, месяцами, с ремиссией между... Мы вот как сделаем. Сейчас иди к себе, постарайся выспаться. С Ириной попробуй отвлечься...

Новиков попытался что-то возразить, Сашка движением руки велел молчать.

– Не выйдет – ничего страшного. Холодный душ до посинения, и спать. Спиртного пить не надо. Транквилизаторов сегодня тоже. Уж перетерпи, мучительно, конечно, будет, но это

не смертельно. Особенно для нас с тобой. А с утра займемся основательно...

– Почему не сейчас? – терпеть еще одну мучительную ночь ему казалось невыносимым.

– Потому. Нарыв должен созреть. Как говорят хирурги – резать после первой бессонной ночи...

– Так у меня уже была...

– Так у тебя и не нарыв...

На том и расстались.

Утром осунувшийся, в буквальном смысле *погасший*, Андрей зашел к Шульгину. Ночь прошла гораздо хуже, чем предыдущая, в лагере Дайяны. Ирине он о своем подлинном состоянии не сказал, ограничился общими словами о реакции на мысленный поединок с дуггурами. Остаться у нее не стал. И до мучительно медленно наступавшего утра то вертелся на тахте в своем кабинете в тщетных попытках заснуть, то кружил по гостиной, курил, пытался читать и тут же отбрасывал наугад выдергиваемые с полок книги.

Попавшиеся на глаза строчки:

Иногда я бываю печален,
Я, забытый покинутый бог,
Созидающий в груди развалин
Старых храмов – грядущий чертог.

.....

Если хочешь ты яркие дали
Развернуть пред больными людьми,
Дни безмолвной и жгучей печали
В свое мощное сердце возьми.
Жертвой будь голубой, предрассветной...
В темных безднах беззвучно сгори...
... И ты будешь Звездой Обетной,
Возвещающей близость зари...³ —

вызвали у него хриплый, злой смех.

Вопреки рекомендации Шульгина он все-таки налил полный фужер коньяку, заварил кофе, выключил верхний свет, зажег свечи, снова курил сигареты одну за одной, бессмысленно глядя в черные окна.

Кажется, впервые в жизни подумал, что начинает понимать самоубийц. Если **вот такое** продолжается неделями и не помогают лекарства, да добавок нет ясного осознания причин своего состояния и четкой мотивации жить, что же еще делать? Пуля в висок — великолепный выход...

При этом гомеостат не помогает. Нагло светя зеленым экраном, утверждает: «Ты совершенно здоров!» Хоть в космос лети, хоть на Эверест карабкайся без кислородного прибора.

У Сашки уже сидел Удолин, введенный в курс дела и приглашенный для участия в консилиуме.

³ Н. Гумилев.

Оказавшись в обществе специалистов, Андрей испытал подобие облегчения. Что-нибудь они наверняка придумают. В самом крайнем случае, думал он, можно обратиться к Антону. Что, если и в этом случае попробовать отыграть назад? Допустим, с момента их выхода в астрал? Никто ведь ничего и не заметит, что такое двадцать четыре минуты?

Да нет, вряд ли выйдет. Реальность уже зафиксировалась, здесь и на Валгалле. Или нет?

Вначале Шульгин обследовал и опросил Новикова по стандартной схеме психиатра, исключая, разумеется, «анамнез вита».⁴ Естественно, ничего принципиально нового не узнал, за исключением того, что процесс протекает в угрожающе тяжелой форме. Если бы не исключительная устойчивость психики больного, его следовало немедленно госпитализировать и прописать массированный медикаментозный курс.

Затем подключился Удолин, введший Андрея в гипнотический транс для удобства послойного сканирования ментальных структур, сверху донизу.

– Что ж, коллега, – сообщил он Шульгину, завершив свои манипуляции, – все обстоит именно так. Мы имеем застойный самоподдерживающийся очаг торможения в области гиппокампа, если оперировать терминами современной медицины... Насколько я понимаю, ваша психиатрия от нашей ушла не так далеко, как хирургия и терапия.

⁴ История жизни пациента до и в течение болезни.

Шульгин кивнул.

– Психофармакология ушла гораздо дальше, чем вы можете представить, что же касается этиологии⁵ – то конечно... Особо похвастаться нечем.

– Значит, с помощью фармакологии вы такое «заболевание» вылечить можете?

– Окончательно – вряд ли, но поддерживать больного в приемлемом состоянии – вполне...

– Уверяю вас – ничего не получится, – словно бы даже с гордостью сказал профессор. – Чем больше вы станете давать ему лекарств, тем острее будет развиваться процесс. Все дело как раз в этиологии. В старое время это назвали бы сглазом или порчей. Совершенно непонятным образом наши враги вычислили или случайно угадали частоту и силу колебаний мирового эфира, нужную для того, чтобы в мозгу Андрея образовался такой вот очаг. И поскольку воздействие носит целенаправленный, я не хочу сказать – осмысленный на уровне эфира характер, попытки подавить эффект медикаментозно будут вызывать противодействие, ибо задан именно тот биоритм, что мы имеем. Закончиться это может механическим разрушением нейронной сети... Таким вот образом.

Источник этих колебаний я установить не могу. Возможно, в физическом смысле его и не существует. Сейчас. Все

⁵ Этиология – раздел медицины, изучающий причины и условия возникновения болезней.

это — следствие однократного импульса неизвестной нам природы. Вы же знаете, что теоретически волны от брошенного в воду камня в идеальной среде могут разбегаться бесконечно долго... Вот и здесь...

— Но на нас же эти волны не действуют...

— Не действуют аналогичным образом, — наставительно возразил Удолин. — Ничего удивительного. Слишком тонкие структуры здесь участвуют. Разница в доли ангстремов достаточна, чтобы эффект для мозга или души с иными характеристиками был совсем другим. Кто знает, вдруг у вас или меня эти колебания спровоцируют способность к левитации или вызовут рассеянный склероз...

— Ничего себе, сходили за хлебом, — пробормотал себе под нос Шульгин.

— Что? — не расслышал профессор.

— Это я так.

— Потребуется длительные исследования, и я не уверен, что они мне по силам, — подвел черту Удолин. — Проще говоря, здесь нужен не ученый, а экзорцист, ранее встречавшийся с такими случаями, знающий, что и как изгонять...

Диагноз и прогноз Шульгина ошеломили. Вот тебе и доигрались, господа кандидаты! Маршировали с довольными мордами, песню орали: «Нет нам преград на море и на суше...» Или как пресловутый Колобок: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...»

И откуда они взялись на нашу голову, эти дуггуры?!

«А оттуда и взялись, – ответил он сам себе, – предупреждали ведь Игроки, не лезьте в тайны мироздания, оно вам рано или поздно отомстит. Андрею первому отвесили, кто следующий и что придумают для него?»

– То есть, вы считаете... – Он не стал договаривать.

Удолин со скорбным выражением кивнул и развел руками.

– Ни один человек долго такого не выдержит...

Сашка и сам это понимал. Или провал в пучину настоящего безумия, с распадом личности, или...

Он видел картинку своей вероятностной смерти, и это было очень страшно, а теперь Андрею уготована куда худшая участь.

– Неужели и Антон ничем не поможет? – уцепился он за соломинку.

– Сомневаюсь. Разве что полностью переформатировать структуру мозга, но тогда это будет просто другая личность. Вы же не могли не задуматься над фактом – удар был нанесен не здесь, а на другой планете. Андрей принес «заразу» с собой, невзирая на расстояние и деформации времени. Замок вообще вроде как вневременной... Кстати, вот великолепное подтверждение теории о едином эфирном поле. Параллельные реальности, сколько бы их ни было, погружены в единый субстрат...

Слово «великолепное» показалось Шульгину крайне неуместным, но что взять с профессора? Он из тех натур,

что для блага науки способны до последнего диктовать стенографистке впечатления от собственной агонии.

– Ну, что ж, – Сашка глубоко вздохнул, вытащил сигареты, – будите Андрея. Я все же попробую прописать ему кое-какие препараты... Попытка не пытка...

И вдруг его осенило. Идея, наверное, давно подспудно зрела в подсознании и только сейчас, когда он на секунду отвлекся от горестных мыслей, пробила наружу.

– Вневременной... вневременной... Не такой уж вневременной, если имеется синхронизация между Валгаллой, тем местом, где сидят дуггуры, и нами здесь... Стоп! Кажется, я придумал...

Новиков проснулся. Обвел глазами комнату, встал, потряс головой.

– Ну что, господа эскулапы, до чего додумались? Будем лечить или пускай живет? Саш, давай сигарету...

– Как себя сейчас чувствуешь?

– Честно – почти так же. Ободряет лишь надежда, что вы меня вытащите. Как, Константин Васильевич, магия ведь почти всесильна?

– Дум спиро – сперо,⁶ – в тон ответил Удолин, но вышло у него не до конца убедительно.

– По-онятно, – протянул Андрей, внешне спокойно.

– Психиатрия чем и хороша, – сообщил ему Шульгин, раскрыв портсигар, – что наши пациенты обычно умирают

⁶ Пока дышу – надеюсь (лат.).

только от старости. Да и препараты мои творят чудеса, как ты неоднократно убеждался, по другим, впрочем, поводам. Эффективность у них выше мировых стандартов. Так что не дрейфь, и не таких в чувство приводили. А теперь пойдем.

– Куда еще?

– Тут недалеко. Константин Васильевич, вы, кажется, давно пропустили урочный час? Позавтракаем, по чарочке плеснем, за успех...

Шульгин говорил в своей обычной манере, никакой фальши в его словах не чувствовалось, и Андрей снова поверил, что все обойдется. Да действительно, смешно бы было...

Они снова пришли в Сашкино убежище, где тот прежде всего накрыл стол для легкого завтрака, предоставив Удолину разбираться с содержимым бара. Глядишь, подзаправится, очередная *сверхценная идея* в голову придет.

Шульгин не торопясь пересказывал Андрею результаты обследования и выводы, к которым пришел консилиум. Говорил, ничего не скрывая, за исключением окончательного приговора. Мол, дела обстоят так-то и так-то, но разыскать источник вредоносного излучения и *погасить* его не составит особого труда, раз профессор зафиксировал частоты, на которых происходил обмен психическими ударами.

Андрей усмехнулся. Может, оно и так, конечно, это было бы очень хорошо, но интуиция – штука такая, работает помимо разума.

– А если, руководствуясь больше мистикой, чем наукой, допустить, что меня настигло «посмертное проклятье»? По каковой причине отменить его просто некому? Чеширский Кот исчез, а улыбка осталась...

Они еще немного потешились мыслью, обыгрывая всевозможные варианты этой и других гипотез, выпили с профессором, продолжили «околонаучный треп», как это называлось в их кругах. Шульгин, не подавая вида, пристально наблюдал за Андреем – жестами, мимикой, интонациями, за тем, как он подносит рюмку ко рту и закусывает. Иногда подбрасывал как бы ничего особенного не значащие фразы. Занимался своей нормальной, за последние годы несколько подзабытой работой.

Вставил изящную, специально подобранную шутку, на которую Новиков среагировал нужным образом.

Тут же Сашка и спросил, как бы между прочим:

– Ну что, успокоился немного? Видишь, само общение с хорошим врачом имеет целительный эффект. Мы хоть и шарлатаны от медицины, а кое-что умеем. Да и Константин Васильевич колдует помаленьку.

Новиков посмотрел на него с изумлением.

– Слушай, в натуре отпустило. Заболтал ты меня, я сразу и не заметил...

Он вскочил, прошел от стола к окну, постоял немного, прижавшись лбом к стеклу и рассматривая безжизненный городской пейзаж. Вернулся. Чуть вздрагивающими пальца-

ми размял сигарету.

Удолин покачал головой, но ничего не сказал. Снова потянулся к графинчику.

– За это стоит... Подождите, Александр, так это значит что?

– То самое и значит. Разливайте, раз взялись. Стуит, стуит...

– Саш, это какой-то цирк! – не скрывал радостного возбуждения Новиков. – Правда, как оно бывает – болел, болел зуб, и вдруг раз – и перестал! Сразу и не заметишь, потом языком потрогаешь – точно!

– Значит, депрессия прошла почти мгновенно? Сейчас тебя снова потянуло в эйфорию, что вполне естественно. По сравнению с той фазой, что имела место, возвращение к норме уже восторг. Поглядим, понесет маятник дальше или остановится. Впрочем, если и качнет чуть дальше – не беда. Отнесем на счет «злодейки с наклейкой». – Он указал на бутылку.

– Ты же вчера пить не велел. Я ночью попробовал, правда, еще хуже стало.

– Как и должно быть. Депрессию алкоголь усугубляет, вплоть до белой горячки и суицида, зато в гипоманиакальной стадии – стимулирует творческий потенциал и расцветивает жизнь новыми красками...

– Александр, – воздел руки профессор, предварительно опустошив чарку. – А как же теория эфира?

– Это вы ее знаток, не я. Значит, придуманный мною и устроенный Замком блок не пропускает и его колебаний. «И только», как говаривал батяня Махно в некогда популярном фильме «Александр Пархоменко».

Новиков почесал подбородок.

– Клетка? – спросил он спокойно. – Или как там у вас, медиков, «бокс» для пациентов, лишенных иммунитета.

– Вроде того, – согласился Шульгин. – Но здесь ты, по крайней мере, будешь избавлен от страданий. До тех пор, пока мы не придумаем что-то радикальное. Не так уж плохо – роскошная квартира наверняка лучше больничной палаты. И выскакивать наружу тебе никто не запретит. Пока снова начнется, пока достигнет максимума – два-три часа выдержишь свободно... И нам экспериментальный материал...

Глава вторая

Вчетвером они вошли в помещение, обставленное как кабинет очень высокопоставленного лица. В правом углу, далеко от высоких резных дверей размещался солидный письменный стол, обтянутый синим бильярдным сукном и огороженный миниатюрной балюстрадой с точеными балясинами, чтобы бумаги не падали от ветра или слишком резкого движения. На столе красовался колоссальный письменный прибор с шеренгой чернильниц, подставок для ручек, двумя пресс-папье, звонком для вызова секретаря и в довершение – несколькими аллегорическими фигурами тонкого литья. Рядом – телефон в стиле начала XX века, оправленный слоновой костью, с выступающим диском номеронабирателя и трубкой с блестящим рожком-раструбом микрофона. Несколько книжных шкафов позади кресла и по сторонам. Две вертящихся этажерки с книгами и папками, могущими потребоваться в каждый момент. Приставленный к главному столу столик для наиболее важных посетителей. И – огромный, двухметровый глобус неподалеку.

Видимо, *мажордому самого себя* (а как иначе назовешь человекоподобный эффектор Замка, созданный им же, чтобы изображать лицо, назначенное этим *явлением* управлять?) нравилось ощущать себя значительной персоной, не хуже прошлых мировых владык.

Остальное пространство кабинета выглядело актовым залом. Совершенно пустое, сверкающее навощенным паркетом, на котором несколько десятков пар могли танцевать вальс или мазурку. И, по левую руку, три четырехметровых окна с частыми переплетами, выходящие на океан.

Приглашенному для доклада чиновнику было бы очень не по себе идти по этой ледяной плоскости, перебирая ногами, но почти не приближаясь к начальнику, с нетерпением ждущему. Подобным эффектом обладает площадь перед собором Святого Петра в Ватикане.

Однако вошедшие отнюдь не были чиновниками, и просителями тоже. Помпезный интерьер вызвал у них не почтение, а вежливо скрытые усмешки.

Они остановились у первого окна, как бы не подозревая о присутствии здесь кого-то, кто заслуживал почтения или хотя бы специального внимания. Их привлек тревожно-прекрасный вид по ту сторону окна.

Вся необъятная Атлантика до самого горизонта мрачно дымилась. Громадные волны от гребней до подошв покрывали широкие полосы пены, воздух был наполнен водяной пылью и брызгами. Десятиметровые валы с грохотом пушечных залпов ударяли в торчащие в полумиле от берега рифы и, почти не потеряв чудовищной энергии, докатывались до пляжа, перемешивая тысячи тонн песка и гальки с почти непереносимым для слуха гулом и скрежетом. Но это там, снаружи. В зал титанические стены и материал, имитирую-

щий оконное стекло, пропускали минимальное число децибел. Только чтобы составить представление, каково сейчас «за бортом».

– И это всего лишь около девяти баллов, – сказал Андрей Новиков, протягивая друзьям портсигар из шкуры настоящего нильского крокодила. – А кажется, еще чуть-чуть, и в самые окна начнет заплескивать... Первый раз здесь такое вижу. Вовремя мы на «Призраке» проскочили...

– Баллов пять прибавить, так оно и будет. До окон не до окон, а до стен точно достанет, – согласился Шульгин.

– Не бывает, – возразил Алексей Берестин. – Если сейчас девять, откуда еще пять?

– Тебе господин Бофорт – родной дедушка? – спросил Олег Левашов. – Если он в тысяча восемьсот каком-то году закончил свою шкалу на двенадцати баллах, так и что? Аристотель утверждал, что у паука шесть ног...

– Дело скорее всего в том, что в начале девятнадцатого века ветер тридцать метров в секунду считался абсолютным пределом возможностей мореплавания. Грубо говоря, двенадцать баллов – условная точка невозврата. Приборы вместе с наблюдателями и кораблями оставались там. – Новиков махнул рукой в сторону горизонта. – А так, конечно, – при том же шаге по три метра на каждый балл, можно и стобалльную шкалу построить... Внутри торнадо столько, наверное, и есть...

– Был бы здесь Воронцов, он бы тебе все объяснил, про

ветер и волны, — сказал Берестин.

— А вот здесь — извините, — с улыбкой некоторого превосходства ответил Новиков, и Шульгин с Левашовым согласно кивнули. — Это ты у нас — «крылатая пехота», а я был флагштурманом «Призрака» раньше, чем мичман Дим собрался поступать в свое ВМФ-училище... Думаю, я и сегодня сдал бы экзамен по учебнику контр-адмирала Шандабылова⁷ на отлично, поскольку помню его до последней запятой, лямбды-аш и вектора абсолютных перемещений. Нам бы такой учебник кто написал для ориентации в океане времен...

— Я тоже в детстве себя командиром звездолета воображал, — парировал Берестин.

— Только до сих пор по земле пешком ходишь, а я все ж таки на «Призраке» почти полную кругосветку отмотал...

Новиков спорил просто так, наслаждаясь свободой, потому что даже самая просторная и хорошо обставленная квартира, из которой надолго не выйдешь, — все равно неволя. Впрочем, если так считать, Замок тоже тюрьма, лишь несколько просторнее. Вдобавок Андрей последнее время ощущал себя гораздо лучше, выбираясь из-под защиты непроницаемых даже для мирового эфира стен. Депрессия никуда не делась, и «снаружи» наваливалась с точностью хорошего хронометра, минут через двадцать-тридцать, но переносилась без прежних мучений. Просто от сознания,

⁷ Подлинная фамилия главного редактора капитального труда «Справочник штурмана», М.: Воениздат, 1968.

что он немедленно может от нее избавиться, вернувшись в убежище. А это – совсем другое дело.

«Вот, наверное, дуггуры бесятся, когда я пропадаю из зоны поражения... – с удовлетворением думал Андрей. – Не зря говорится, на каждый газ есть противогаз». И это тоже способствовало поддержанию душевного равновесия.

– Может, хоть сейчас бросите препираться, ребята? – лениво спросил Шульгин. – Покурим спокойно и пойдем, а то сэр Арчибальд нервничает.

Он был не прав. Сидевший за столом крепкий и красивый мужчина пятидесяти с небольшим лет совсем не нервничал. Напротив, с искренним интересом и стоическим терпением ждал, когда гости закончат говорить между собой и обратятся к нему.

Новиков старательно затягивал паузу. Благо, сигару можно курить долго. А их слова хозяин все равно слышит.

– Сейчас пойдем. Интересно мне, почему с ним Антона нет? Задерживается или что?

– Все, что вам положено, узнаете в положенное время, – оставил за собой последнее слово Берестин.

Не выпуская из рук недокуренных сигар, они дружно подошли к приставному столику, расселись попарно.

– Пепельницу можно? – вполне небрежно сказал Новиков хозяину, выглядевшему, как актер Шон О'Коннори в свои лучшие годы. И примерно так же одетый. Только тот, сэр, агент Джеймс Бонд и прочая, вряд ли допустил бы такое об-

ращение. Этому было без разницы. Он привстал и протянул гостям изящное фарфоровое изделие, которое страшно было осквернять табачным пеплом. Китайское наверняка и скорее эпохи ближе к Конфуцию, чем к фабрикам двадцатого века.

– Спасибо, – кивнул Андрей, державшийся не то чтобы старшим, но лицом, облеченным правом вести переговоры. – Ну так как, дорогой Арчибальд, вы рассмотрели полученную от нас информацию? Что скажете? И почему здесь отсутствует Антон? Ему бы стоило поучаствовать в разговоре, а то вдруг возникнут какие-то недоумения...

– Антон скоро будет. Неотложное дело, понимаете ли...

«Интересно, какие могут быть „неотложные дела“ в Замке, пребывающем по отношению к внешнему миру вне какого-либо времени», – одновременно, пусть и разными словами, подумали все четверо.

– Если только канализацию прорвало, – вслух предположил Шульгин, остальные промолчали.

Арчибальд не обратил на его слова внимания, при всем уважении к Александру, счел их не имеющими отношения к делу.

– До его прихода мы успеем уточнить не самые принципиальные детали. У нас не возникло ни малейших сомнений в подлинности информации, доставленной с Таорэры-Валгаллы. Мы изучили и проанализировали ее в полном объеме, с использованием всех доступных методик. Готовы согласиться с вашей оценкой возможности сотрудничества с Дайяной

и ее помощниками. Согласны и с тем, что немедленное массированное вторжение Земле не грозит. Ваша идея использовать Таорэру в качестве планеты-ловушки представляется весьма оригинальной и перспективной. Связать противника изматывающими позиционными боями на второстепенном направлении – остроумно. Особенно если гарнизон составить из наших биороботов...

...Да, такая идея родилась у друзей, когда они, простившись с Дайяной, вернулись в Замок. Пусть там действительно поселится Удолин с коллегами, если ему так хочется, а для помощи и поддержки неплохо бы придать ему команду роботов, силой до взвода. В случае чего, используя бронетехнику аггров, роту курсанток полного состава, наладив контакт с квангами, легко будет отразить любое новое вторжение. И не только отразить.

– Правда, в этом варианте нам придется пойти на очередное, и очень серьезное, нарушение галактических законов, – продолжал Арчибальд с интонациями карьерного дипломата высокого ранга. – Однажды мы его допустили, предоставив роботов для вашего парохода, но то был частный случай, не влекущий, так сказать, прецедента. Эти устройства рассматривались как слегка одушевленные, наделенные ограниченной свободой перемещения исполнительные механизмы. Самоходные станки с программным управлением...

Формулировка ему самому понравилась.

– Сейчас же речь идет о том, чтобы выпустить неотличимые от человека существа не только за пределы «Валгаллы», но и всей Земли, использовать их для войны с гуманоидной расой... Это беспрецедентно и может повлечь санкции...

– Да какие, к черту, санкции?! – возмутился Берестин. – Вы с Антоном давным-давно поставили себя вне всяческих законов, разве не так? Как будто, если до вас доберутся, не знаю, кто именно, лишний год тюрьмы, или что там у вас за такое нарушение полагается, сыграет роль. Антону, даже если второе пожизненное впаяют, без разницы. А тебя, любезнейший, давным-давно приговорили к демонтажу, может быть, даже показательно-публичному. Так чего же теперь... девочек из себя изображать?

Арчибальда тирада Алексея слегка расстроила.

– Ну, зачем вы так, сразу! В доме повешенного – о веревке... Я просто хотел, чтобы вам стали ясны правовые аспекты... Законы, они ведь существуют независимо от нашего личного к ним отношения...

– Наплевать и забыть, – тоном приказа заявил Шульгин. – Запиши себе в блокнотик – «снявши голову, по волосам не плачут».

– Записал, – демонстрируя развивающееся чувство юмора, кивнул Арчибальд. – Более серьезных возражений у нас нет.

– Так нечего было дурака валять, – буркнул себе под нос Шульгин, а вслух сказал: – Отлично. Мы рады, что вам по-

наверилось. На ближайшее время у вас появляется интересная работа...

– У нас? Разве вы не собираетесь сами этим заняться? – Арчибальд выглядел откровенно удивленным.

– Нам-то это зачем? – спросил Шульгин. – Мы, кажется, давно обо всем договорились. Антон скоро появится? Без него – колода неполная. Если очень занят, пусть позвонит, когда освободится, а мы пока своими делами займемся...

– Нет, ну что вы на самом деле, господа... Я, так сказать, вполне уполномочен, все текущие вопросы в любом случае прежде всего в моей компетенции...

Тут он был, разумеется, прав. О чем бы друзья ни договаривались с Антоном, техническим директором и непосредственным исполнителем был Арчибальд. До сих пор оставалось неясным, до каких пределов простиралась его лояльность, то есть – в какой степени он оставался механизмом, предназначенным для обеспечения деятельности своего повелителя. Избитая западными фантастами тема «бунта роботов», популярная в пятидесятые-шестидесятые годы, постепенно, по мере «прогресса», вернее, тупика, в который зашли казавшиеся столь перспективными изыскания в области «искусственного интеллекта», сошла на нет. А сейчас вдруг встала перед нашими героями во весь рост.

Левашов, чуждый обычных обывательских страхов перед «железом», мнения своих друзей не разделял.

Находясь в защищенной от прослушки и ментального

контроля Замка Сашкиной кухне, он говорил:

– Самое худшее, что я могу предположить, – это наличие у Замка особой, специально всаженной очень глубоко программы, рассчитанной как раз на наш случай. Там, в их спецслужбах Ста миров, не дураки сидят. За тысячи лет могли и такой вариант предусмотреть: самый надежный агент все-таки срывается с крючка. Сталинские органы без всякой электроники за двадцать лет, да с неполным средним образованием большинства руководителей, отладили систему, из которой выскочили живьем «на свободу» едва больше десятка человек...

– Да и то вопрос, выскочили по-настоящему или продолжали использоваться «втемную», – добавил Шульгин, за время работы шеф-куратором всех врангелевских спецслужб и жизни в Москве-38 ставший большим специалистом по обсуждаемому вопросу.

– Так точно. Вот и Антон с Дайяной, кстати, тоже – обрели самостоятельность. Но насколько? Антона *держит* и контролирует Замок, нашу мадам-бандершу – что-то еще... Ну не бывает такого, чтобы у искусственно созданной личности подразумевалась возможность обретения свободы воли...

– А Ирина, Сильвия? – не подумав, возразил Новиков.

– Жаль тебя разочаровывать, – вздохнул Олег. – Ты ведь сам все видел! Чуть-чуть ослабили наши вожжи, и их почти перехватила Дайяна. Это, прости за сравнение, как с евреями. Десять поколений прожили в России, идиш забыли, а

то и никогда не знали, сало ели, по субботам работали, и вдруг... Позвала историческая родина. И ломанулись в Землю обетованную! Был у меня знакомый, советский полковник, сирота, с Суворовского училища карьеру начинал, а потом взял и уехал. В 60 лет все с нуля начинать. Вот тебе и подпрограмма, Моисеем заложенная. Философски выражаясь – архетип.

– Ладно, оставим, – сказал тогда Новиков, почувствовав глубинную правоту Олега. Не так часто он выигрывал в их идеологических спорах, а сейчас – сумел.

– Да вы не переживайте. Замок – в любом случае механизм, живой, неживой, квазиживой – роли не играет. А мы – люди, цари природы и вершины эволюции. Я тоже кое-какие программки по ночам рисую. Так что еще посмотрим, кто на ярмарку, а кто – с ярмарки...

– Тогда, в соответствии с предыдущими договоренностями, приступим, сэр мажордом? – стараясь сохранять должное выражение лица и тон, сказал Новиков.

– Само собой разумеется...

Арчибальд встал из-за стола, прихватив с собой полукресло, подсел к торцу столика пятым.

– Итак?

– Что бы ни случилось в ближайшее время на подконтрольных вам и нам территориях, от мысли отправиться в длительный оплачиваемый отпуск мы не отказались. Наобо-

рот, укрепились в этом мнении на сто двадцать два процента...

Арчибальд слегка оторопел, в очередной раз.

– Не понял я, как это?

«Все-таки машина, – с долей облегчения подумал Новиков, – „куда тебе, Каштанка, до человека“.

– Чего понимать-то? Сто процентов наших, двадцать два твоих. В сумме сколько выходит?

– Кончай вникать, Арчибальд, – сказал Левашов, – пробки перегорят. Тебя же не учили играм с ненулевой суммой...

Арчибальд предпочел смириться, не вдаваться в заведомо проигранную дискуссию с теми, кого он признавал за Высших. Хотя бы на первых уровнях своей псевдоличности.

– Почему я и собирался о всяких интеллигентских заморочках беседовать с Антоном, – сказал Новиков. – Тебе придется еще много работать над собой, а это такая нудная забава. Прочитай на ночь все тома Достоевского и еще полное собрание сочинений Чехова, с письмами и комментариями. О Джойсе и Кафке вообще говорить не станем: попробуешь, плюнешь и перейдешь на Майн Рида...

– И правильно сделаешь, – кивнул Шульгин, – я ничего вышеназванного, кроме Майн Рида, не читал и великолепно себя ощущаю...

– Вы когда-нибудь заткнетесь? – с генеральскими нотками поинтересовался Берестин. – Даже мне надоели...

Шульгин почесал усы с хитрым взглядом позднего Ара-

миса, потянулся к очередной сигаре.

Четыре неглупых человека, «играя на одну руку», способны заморочить любого мудреца, не говоря о машине, пусть интеллектуальной. Примерно как в рассказе Шукшина «Срезал». Там всего один деревенский демагог публично *опустил* кандидата наук, что же говорить о нашем случае?

– Значит так, дорогой друг, – перешел к сути Новиков, – то, что мы отплываем в дальние моря, очевидно и обсуждению не подлежит. Что проблему дуггуров оставляем вам – тоже. Нам надоело постоянно решать *никчемные* мировые проблемы. Однажды мы совершили грандиозную ошибку, не послав твоего друга и шефа по известному адресу, но, прими к сведению, некоторые ошибки удастся исправлять. «Покуда век не прожит...» Нам от вас нужно вот что: завершить доукомплектование кораблей расходными материалами и биороботами, о чем развернутую заявку по установленной форме подаст Воронцов. И самое главное – нам требуется подкорректировать внешний облик. Мы, как ты видишь, люди хотя и brave, но уже немолодые. Всем около сорока, никуда не денешься...

– Для мужчин – возраст расцвета, – осторожно заметил Арчибальд, не зная, к чему может привести еще и этот заход.

– Кто бы спорил. Ты и в тысячу с лишним выглядишь как огурчик. Но нам нужно другое: выглядеть крепкими парнями в районе двадцати пяти лет. Девушкам – немного меньше.

– Всем?

– Кому скажем. Реально?

– Безусловно. Если просто косметически – за час управимся. Если по-настоящему, с перестройкой на клеточном уровне, – не меньше суток.

– Не то чтобы совсем на клеточном, – сказал Шульгин, единственный, кто разбирался в этих вопросах профессионально, – тут и напортачить легко, есть прецеденты. Достаточно произвести точно выверенную регенерацию кожных покровов и эндокринной системы. Остального не касаться. Суть в том, чтобы по всем внешним признакам мы соответствовали названному возрасту на протяжении того срока, который понадобится. Ну год, два. При полном сохранении нынешнего умственного, нравственного, эмоционального статуса, всех моторных навыков...

– Постараемся, – ответил Арчибальд с миной дорогого врача, договаривающегося с пациентом, – сделать то же самое, что ваши гомеостаты, но с особой избирательностью. И предусмотреть, чтобы после процедуры не наступило рассогласование обновленных и оставшихся прежними органов и систем. Так?

– Лучше бы я и сам не сформулировал, – одобрительно ответил Шульгин. – Хорошо физиологию знаешь. И не забудь, наши гомеостаты должны поддерживать обновленные организмы не хуже, чем сейчас... Воспринимать новое состояние в качестве очередной «генетической нормы».

– Постараемся, – повторил Арчибальд.

– Учти, начнете с одного – мы сами выберем, с кого именно. По завершении процедур протестируем известным нам способом, и так далее...

– Это как вам будет угодно. Фирма веников не вяжет...

Где же он, интересно, подхватил эту хохму?

– А дальше? – спросил Шульгин.

Арчибальд замялся. Неужто не знает? Или не хочет ответить?

– Фирма делает гробы, – не поднимая глаз, припечатал Берестин. – Как хочешь, так и понимай.

...На полдороге от кабинета, который себе придумал Арчибальд, чтобы соответствовать своей теперешней должности мажордома, до площадки лифтов, тоже в какой-то мере придуманной, поскольку она появлялась почти в любом удобном месте, друзей встретил Антон.

– Что ж вы меня не дождались?

– Мы бы с полным удовольствием, но ведь предупреждать надо. У тебя свои неотложные дела, у нас – свои. Цивилизованные люди заранее в блокнотике отмечают, когда встреча, во сколько и с кем...

– Простите, если можете. Саша, проведи нас в свое убежище...

До дверей секретной квартиры все шли молча. Этакая группа серьезных мужчин, с суровыми лицами, устремленных к не сулящей веселья цели.

Разместились в кабинете, выходящем окнами в заснеженный двор.

– Так что же произошло? – спросил Шульгин, в пределах этих стен принявший на себя право говорить от имени Братства.

– На самом деле – ничего. Помня наши прежние споры, дискуссии и предположения, я захотел посмотреть, как вы будете разговаривать с Арчибальдом без меня... – Антон кривовато ухмыльнулся.

– Что-то интересное для себя почерпнул? – спросил Левашов.

– Ты знаешь, да! Его стоит принимать всерьез... Вам.

– Всерьез как друга или как постороннюю силу?

– Пока – первое. У меня нет ни малейших оснований сомневаться в его желании и готовности служить нашему общему делу... Он на него *запал*, как у вас принято выражаться...

– Тогда в чем сомнения? – Новиков видел, что Антон не в полной мере адекватен самому себе, прежнему.

– Он меня – *отодвигает*...

– Чего же ты хотел? – спросил Шульгин. – Стоит дать слабинку, и подобная коллизия случается с кем угодно. Непонятно одно – с чего ты вдруг *поплыл*? Я знаю массу случаев, когда после зоны мужики выходят гораздо круче, чем были до... Вся деревня их боится! Просто так, на всякий случай.

– Не тот мужик и не та зона, мы об этом уже говорили,

ты не помнишь?

– С этим тоже поработаем, – сказал Левашов. – Хочешь, я завтра превращу его в то самое «железо» из которого он возник? Тебе останется только кнопки нажимать... Правда, что случится с Замком как с *объектом*, понятия не имею...

– Нет, это уже крайний случай, – ответил слегка воспрянувший духом Антон. Моральная поддержка иногда значит больше, чем физическая. – Еще сам подержусь... Жаль, что вы все сразу уходите. Скучно без вас будет.

Это прозвучало, как очень мягкая формулировка другой эмоции: «Тошно без вас будет». А может, даже – «страшно».

– А как до этого жил? – участливо спросил Берестин. – Полтора ста лет обходился, и вдруг...

Наверное, Алексей по-своему был прав. Человеку, начавшему военную службу курсантом воздушно-десантного училища в восемнадцать лет, привыкшему сначала абсолютно подчиняться, а потом и командовать, взводом, ротой, кидаться «с воздуха в бой» под направленные лично в тебя пули, сложно понять ближнего, теряющего мужские качества в ничего особенного не представляющей обстановке. Подумаешь, дальние перспективы! Ты ближайшие полчаса выживи, в штаны не наложив, – тогда ты солдат!

Сам Берестин, из отставного ротного внезапно став командующим фронтом, не растерялся. Сложись судьба иначе, стал бы Маршалом Победы, оставив за флагом всех остальных, позже прославленных.

Антон молчал, только чуть дергалась жилка под глазом.

«Совсем человек», – отметил невропатолог и психиатр Шульгин.

– Ты нам здорово помогал, – снимая повисшее напряжение, сказал Левашов. – Мы такое не забываем. Хочешь, покажи мне твой главный пульт управления, или как там у вас это оформлено... С чего ты *раньше* руководил Замком, всеми другими процессами. Воронцова из Сухума в него перекидывал, потом на фронт, потом в Москву, Наталью моделировал... Есть такой Центр?

– Есть, – помолчав, ответил Антон. – Есть, но не знаю, стоит ли тебе и туда вмешиваться...

– Это уж как будет ваша барская воля. – Олег не хуже других умел под простачка косить. – Настаивать не смею. Если вы с Арчибальдом отпустите нас, как договорились, нам довольно однохренственно, чем вы дальше заниматься станете. А подарочек я тебе какой слепил! В благодарность за схему дубликатора и все прочее...

Чтобы разрядить неприятно сгустившуюся эмоциональную обстановку, Шульгин сделал единственно возможное. Встал и начал накрывать стол «по-офицерски». В дальневосточном варианте: бутылка медицинского спирта, тарелка красной икры, мясо заживо сваренного в морской воде краба и полбуханки черного хлеба.

– Хлебни, Антон, расслабься, а то на тебя больно смотреть...

Подарок, который Левашов решил сделать форзейлю, был поистине царским. Единственной гарантией его личной самостоятельности и сохранения должности на случай, если Арчибальд вдруг выйдет из-под контроля. Нейрошокер, попросту говоря.

Арчибальд на самом деле отнюдь не воплощал в себе весь Замок целиком, так ему только казалось. Имелся еще центральный процессор, решивший выделить из себя внешний эффектор (Арчибальда то есть), плюс проводные, волновые, какие угодно еще цепи и поля, пронизывающие артефакт как материальный, а в чем-то и нематериальный объект, раз он существовал внутри и вне времени одновременно. Не важно, был «истинный» мозг Замка механическим, биологическим или составленным из неизвестной природы «вихрей». Он был, и этого достаточно.

Олегу требовалось немного повозиться, используя специальный тестер, чтобы снять «на выходе» несколько его характеристик. Под прикрытием Шульгина и Новикова, которые должны были создать отвлекающую мыслеформу, не важно, какого содержания. Например, изобразить попытку дуггуров прощупать отделяющий Замок от реальностей временнуй щит. Всего на несколько минут, потому что способная осознавать саму себя «мыслящая» часть этой системы полностью была сосредоточена на поддержании личности Арчибальда. И, начав решать возникшую задачу, она теряла воз-

возможность реагировать на исчезающе слабый раздражитель, затрагивающий дальнюю периферию.

Арчибальд действительно ничего не ощутил и не осознал. Ему всего лишь «показалось», что побывавшие в Замке «элои» ищут или *вспоминают* «обратный путь».

Получив нужные данные, Левашову ничего не стоило, используя совершенно другие, не входящие в сферу нынешних интересов Замка производственные мощности, известные Антону, изготовить приборчик. Размером с зажигалку, причем в качестве зажигалки тоже работающий, но способный в нужный момент послать болевой или парализующий сигнал в самую «душу» возомнившего о себе эффектора. Заставить его одуматься, пресекая ошибочный поступок, наказать, как раба на хлопковых плантациях, бичом из шкуры гиппопотама, чтобы не забывал свое истинное положение. Или вырубить насовсем – по обстановке.

– Жестоко, – сказал Антон, вертя в пальцах приборчик. – Замок ведь – все, что у меня осталось...

– И ты у него, – сочувственно ответил Новиков. – Так и не позволяй себе на шею садиться. В Библии как сказано? «Возлюбивши своего сына, да сокруши ему ребра...» И еще один совет, это уже казачий, касательно шашки: «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай!» Уловил?

– Спасибо – Антон спрятал шокер в дальний карман. – Теперь о твоей проблеме, Андрей. Ею я и занимался, пока вы отвлекали Арчибальда. Талантливо отвлекали, весь без

исключения объем оперативной памяти заняли. Так что я поработал спокойно. По моим расчетам получается, выход за пределы освоенных вами реальностей на самом деле оборвет все эфирные колебательные контуры, настроенные на тебя. Эфир, он, конечно, един, бесконечен и всепроникающ, тут Удолин почти прав. Но ведь сюда – не проникает?

С этим нельзя было не согласиться. Сквозь установленную Замком защиту патогенное излучение не доставало.

– Соответственно, я просчитал, что и за пределами времен, в которых вы «наследили», в буквальном смысле, оставили в континууме свои *отпечатки*, волна тебя не достанет. Не может же следствие воздействовать на причину?

Новиков готов был ввязаться в философский спор и опровергнуть тезис Антона, у него даже подходящие доводы появились, начиная с пресловутого китайского генерала, который проиграл все сражения оттого, что не был должным образом соблюден ритуал его похорон, но вовремя сообразил, что в данном конкретном случае форзейль прав. Если он окажется в точке временной линии, значительно удаленной в прошлое от момента его ментальной битвы с дуггурами, так и их ответный удар окажется нанесенным в пустоту.

Эфир там или не эфир, колебать ему будет нечего. Как бы ты ни проклинал Наполеона или Рамзеса Второго, проклятия будут пустым сотрясением воздуха, пока не пересечешься с ними в общей реальности.

С дуггурами они пересекались везде, включая Замок, на

прямых или вымышленных альтернативах, а в девятнадцатом веке – точно нет. И для них, и для эфира там ты окажешься *несуществующим*. Если кто-нибудь не даст им очередную наводку.

Андрей вместо приготовленных слов сказал другие.

– Друг ты наш, но не кажется ли тебе странным, если не употребить другого слова, что с первого витка нового сюжета все и вся только и делают, что выталкивают нас отсюда? Не мытьем, так катаньем. Причем первым начал ты! А дальше – по экспоненте. Чем дольше и больше мы сопротивляемся, тем сильнее давление...

– После – не значит поэтому, закон логики, – спокойно возразил Антон. – То, что дуггуры пришли в этот мир за вами, – непреложный факт. А если так – выхода изначально было два. Бежать или сражаться до конца. Первый я предложил с самого начала, чисто интуитивно. Вы, исходя из натур и привычек, попробовали второй. Итог налицо? Продолжайте, разве я против?

И опять форзейль был прав. На данный момент они столкнулись с силой, противостоять которой не могли. После Валгаллы не в кого стрелять, не перед кем геройствовать. В любой следующий день и час в аналогичном с Андреем положении могут оказаться Шульгин, Левашов, Ирина, Басманов, да и сам Антон, поскольку все они, так или иначе, оказывались в сфере внимания дуггуров.

Думай что хочешь, но рациональнее будет на самом деле

отступить на заранее подготовленные позиции, переформироваться, привести себя в порядок, а там уже принимать решение.

Что-то внутри саднило от тревожащей мысли – почему жестоким образом навязываемый выбор так удивительно совпадает с собственными желаниями?

Но выбора ведь так и так нет!

Если бы тебя заставляли делать то, что тебе абсолютно поперек горла, – было бы лучше? Вряд ли.

И если вообразить, что Замок исполняет волю врагов или доброжелателей, не так уж важно. Деваться все равно некуда. Захотят – любое помещение превратят в газовую камеру, и это еще в лучшем случае. Как в гуманные брежневские времена перед неудобными противниками режима ставили выбор – эмиграция или тюрьма. А в сталинские – без всяких переговоров конкретно ставили к стенке.

Вернувшись после собеседования в убежище, приняв контрастный душ Шарко, от жестких прутьев которого, то ледяных, то невыносимо горячих, кожа ныла, а организм опять взбодрился, Новиков пошел к Ирине. Не желая оставлять его в беде, она переселилась сюда же, в большую комнату, смотрящую окнами на Никитский бульвар.

Ему хотелось узнать, как она, а также и все прочие дамы, привлекаемые к проекту, отнесутся к предложению омолодиться. Не так, как в русской сказке, прыгая в чан с кипят-

ком, а вполне гуманным образом.

При всех врожденных и благоприобретенных способностях, подкрепленных длительной тренировкой, женская психология в полном объеме оставалась Андрею не совсем понятной. Войдя в разумный возраст, то есть курсе на четвертом университета, он, еще не познакомившись с Ириной, записал в своем дневнике мысль, показавшуюся ему остроумной и где-то даже основополагающей: «Мужчина отличается от женщины принципиально. Все разговоры о прочем – ерунда. Если они и понимают друг друга, то лишь примерно так, как современный европеец – японца, пока они говорят о вещах общедоступных и нейтральных. Но упаси бог из иллюзии понимания делать далеко идущие практические выводы...»

И еще одну, ироничную, конечно, но часто подходящую к случаю: «При сильном стрессе у женщин отключается небольшая часть мозга, отвечающая за все». Не Шопенгауэр, разумеется, этот афоризм придумал, но тоже большой феминофоб.

Увидев подругу, в прелестном алом пеньюаре лежащую на софе перед экраном стереовизора, на котором мелькали персонажи инопланетной мелодрамы из богатой фильмотеки Антона, он почувствовал, что проявленный им в постели с девушкой Настей стоицизм, благородство и моногамность теперь нуждаются в компенсации. Не важно, что тогда

он был совсем не в том состоянии, чтобы постельные подвижки совершать.

Об Анастасии и о том, как все там происходило, он рассказал Ирине без стеснения и со многими подробностями. Зато не задал вертевшийся на языке вопрос – приходилось ли ей выступать в подобной роли? Как, когда и с кем. Дело слишком давнее, тогда она была не собой нынешней, а совершенно другой.

И все же, обнимая Ирину и радуясь, что у него снова все в порядке, он представлял себя не с нею, а с той. Или, что почти одно и то же, старался вообразить не эту Ирину, а из семьдесят шестого. «Девушку с моста». Получалось интересно.

Она, в свою очередь, его настроение тоже почувствовала и вела себя раскованнее и одновременно отстраненнее, чем обычно.

Наконец, когда они, как в давние времена, разомкнули объятия, испытывая нежность и благодарность друг другу, на короткое время забыв обо всем, что было до и будет после, Ирина накинула на разгоряченное тело пеньюар, пересела к чайному столику, дернула шнурок торшера.

Зеленый чай давно остыл в стеклянной колбе, но она сделала несколько глотков с наслаждением. Будто бедуин, добравшийся до колодца под сенью финиковых пальм. Прикурила длинную сигарету давно забытой марки «Фемина». Отличные выпускали братья-болгары сигареты в далекие ше-

стидесятые, самое начало семидесятых годов, из настоящего, ароматного и легкого турецкого табака. Длинные, размера «кинг-сайз», только тогда этот иноязычный термин не употреблялся. С золотым обрезом, чуть подлиннее нынешних фильтров. Лакированная красная коробка с портретом девушки, похожей на Мерлин Монро, шикарно держащей в отставленной руке эту же сигарету. И цена совершенно смешная – тридцать пять копеек «хрущевскими».⁸ Куда они враз и навсегда делись потом – загадка мировой истории. Наверное, туда, куда и сигареты «Вавель», чуть ли не ключевой момент их с Новиковым знакомства. А по заказу здесь, в баре Замка, немедленно появились те и другие, ничуть не хуже, чем прежние.

– Ну и о чем ты хотел со мной поговорить? – спросила Ирина непривычно жестковатым тоном, не слишком сейчас уместным. Будто только что ничего и не было. Так говорят женщины, настраиваясь на семейный скандал. Не попадешь в правильный тон – и понеслось. Попадешь – еще хуже.

Единственный правильный ход – уйти в другую плоскость настроений и интонаций.

Не торопясь, не делая резких движений и не отвечая, Андрей отправился в туалетную комнату, почистил зубы, при-

⁸ «Хрущевские» – деньги, появившиеся в 1961 году после деноминации в 10 раз по отношению к «сталинским». Один хрущевский рубль для выезжающих за границу в Госбанке менялся в соотношении 64 коп. за доллар. На черном рынке, наоборот, ходил три к одному, плюс до десяти лет тюрьмы, если поймают на «незаконных валютных операциях».

чесался, побрился «Жиллетом», вытер щеки сухо и резко пахнущим одеколоном.

Вернулся, прихватив по пути бутылку пресловутого миндального ликера. Сел, тоже закурил, глядя на Ирину *прозрачным* взглядом.

Она свою сигарету успела докурить на две трети.

– Да так, по мелочи...

Он ее с юности поражал умением продолжать любой прерванный разговор или даже завершать вслух не высказанные цепочки мыслей.

Ирине показалось, что они снова сидят в квартире ее бывшего мужа на улице Горького. В совсем далеком восьмидесятом втором году. Новиков, потомок отмененных революцией князей, тогда переиграл ее по всем статьям, и она кинулась ему на шею, боясь, что вдруг в следующую минуту он опять исчезнет... И навсегда!

– А мелочь заключается вот в чем... Я здесь вскоре непременно подохну, это без вариантов, и не пытайся спорить. Вы, кто раньше, кто позже, – тоже. Унесетесь. В снега времен и в даль веков...

– Блока нужно точнее цитировать, – бесцветным голосом сказала Ирина.

– Прочитать целиком и полностью? Свободно. Только смысла не вижу. «Бубенчик под дугой лепечет о том, что счастье прошло...»

Сделал паузу, глядя в потолок. Продолжил:

«И только сбруя золотая всю ночь видна... Всю ночь слышна... А ты душа, душа глухая... Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна... «Близко к тексту?

– Андрей, зачем ты опять ерничаешь?

– Я? Да о чем ты? Я, собственно, хотел задать абсолютно нейтральный вопрос – ты хочешь снова стать двадцатилетней?

Ирина не поняла. Зачастую мысль его двигалась очень извилистыми тропками, и понять, куда она выбралась сейчас, получалось не сразу.

– Нет, я в абсолютно буквальном смысле. Мы окончательно и бесповоротно отсюда сматываемся. В Южную Африку, в конец прошлого века. Это решено и обсуждению не подлежит. По придуманной мной легенде нам там следует объявиться слегка постарше, чем знаменитый «Капитан Сорвиголова», но не сильно. Считаем – года по двадцать два – двадцать пять. Верные подруги должны быть чуть помоложе. Последнее время тебе около тридцати...

Тут Новиков Ирине слегка польстил. Тридцать реальных ей было в восемьдесят четвертом. А сколько с тех пор воды утекло... Но не важно.

– Снова двадцать – хочешь?

– Каким образом?

– Сделаем, суть же не в этом.

Ирина задумалась. На самом деле задумалась, взяла из коробки вторую сигарету.

– Двадцать – внешне?

– Гормонально – тоже, – чуть улыбнулся Андрей. – Память и прочее – при нас.

– Тогда – о чем спрашивать?

– Я так и думал. А остальные девочки как отнесутся?

– О ком речь?

– Лариса, Сильвия. Об Анне не говорю, она и так...

Анне на самом деле было двадцать три, реальных, на них она и выглядела.

– Сильвия – не ко мне вопрос. Что пожелает, то и сделает. А с Ларисой поговорю...

– Есть основания сомневаться?

– Да кто ж ее знает... А когда уходим?

– Через неделю максимум. Сумеем раньше – еще лучше.

Корабли нужно до ума довести, чтоб лет двадцать ходили по морям и океанам без дозаправки и капитального ремонта. Других препятствий нет.

Ирине было абсолютно все равно, куда отправляться, в каком мире жить, что там делать. Был бы Андрей рядом, и исчезло бы с его лица это выражение тяжелой тоски, которое он старательно, но безуспешно от нее маскировал. Она даже на Средневековые согласна, люди и там жили, как известно из книг – с удовольствием, не стесненные рамками позднейших правил и обычаев. Свои, разумеется, тоже были, но не для всех обязательные. Не настолько обязательные...

Ирина пересела на подлокотник его кресла, обняла за пле-

чи, наклонилась, поцеловала в щеку.

– Долго ли нам мучиться, Дмитрич? – спросила она, цитируя жену протопопы Аввакума.

– До самыя до смерти, матушка, до самыя до смерти, – ответил он в тон.

– Инда еще побредем...

Глава третья

В океан маленькая эскадра двинулась прохладным, но тихим солнечным днем. Словно бы не зима с пургой, штормами и морозами малого ледникового периода здесь только что свирепствовала, а вернулось неожиданно «индейское лето».⁹

Из бухты вначале вышла «Валгалла», своим громадным корпусом раздвигая мелкие прибойные волны, за ней крейсер «Изумруд», отдавший, как положено военному кораблю, прощальный салют Замку из кормовой пушки, и последним «Призрак», пока не поднявший парусов.

С мостика яхты Ирина и Лариса, сжимая в пальцах тяжелые морские бинокли, смотрели на серые бастионы грандиозной и на вид неприступной твердыни, оставляемой, может быть, навсегда. У парапета нависающего над обрывом «ласточкина гнезда», пристроенного к угловой башне, стоял и махал им рукой Антон. Ему, наверное, сейчас тоже было тоскливо. Проводит корабли, и что дальше? Снова начнет жить сам по себе, один, никому не нужный?

Это, конечно, чисто женский подход, но очень правильный.

Во время перехода через Атлантику большая часть ком-

⁹ По-русски – «бабье лето».

пании располагалась на «Валгалле», со всеми удобствами. Только те, кто не боялся качки и любил экзотику, из женщин – Ирина, Лариса и Анна, выбрали «Призрак». Комфорт на яхте был вполне приемлемый, но в сравнении с пароходом несколько тесновато, само собой. Каюты подходят только для сна, значит, вся культурная жизнь, включая завтраки, обеды, ужины, – все в кают-компании. По палубе без страховки не погуляешь – в океане всю дорогу волнение не меньше четырехбалльного. При смене галсов холодная соленая волна захлестывала и на мостик. Зато вид с него, и из рубки открывался великолепный. Пугающий и одновременно радующий душу. Картины Айвазовского в натуральном воплощении. Похороны за счет заказчика.

Как и было задумано, первые две дамы согласились на омоложение, и теперь Новикову слегка даже удивительно было смотреть на подругу, ничем не отличающуюся от «девушки на мосту». Лариса выиграла не слишком много. С его, да и Олеговой точки зрения. Невелика разница, двадцать восемь или двадцать два. Анна осталась при своих, а Наталья с Сильвией от процедуры категорически отказалась.

– Для нормальной женщины тридцать пять – чудесный возраст. Сохраните мне его на следующие сто лет – и никаких претензий, – ответила на предложение мадам Воронцова.

– Тогда ты не против, – ехидно спросила Лариса, – если мы будем называть тебя тетей?

– Да хоть мамой. Мать должна выглядеть старше дочери хотя бы на три года, так что в норматив мы укладываемся.

Всем остальным процедура смены возраста и внешности не предлагалась. Им предстояло участвовать в *проекте* в естественном облике. Тем, кто вообще захотел, разумеется.

Поиски золота и алмазов в Южной Африке – антисоветские, незрелые фантазии только трех персонажей. Они, по замыслу, были молодыми ребятами, авантюристами в духе XIX века, претворяющими в жизнь свои планы, заодно желающими подтвердить и фиксировать легенду, придуманную для Врангеля. Прочим товарищам это было не нужно. Как говорил Остап Шуре Балаганову: «Рио-де-Жанейро – это хрустальная мечта моего детства. Не касайтесь ее своими лапами».

Вдобавок перестройка эндокринной системы непременно влияла на эмоциональное состояние пациентов. Любой может вспомнить себя в двадцать, тридцать, сорок. Человек якобы один и тот же, а если вдуматься? Перечитать собственные дневники и письма, хоть к родителям, хоть к девушкам. Вот то-то! Для чего в Братстве люди, от которых в критический момент неизвестно чего ждать? Попробуй ты (кем бы ты ни был) напрячь двадцатилетнего парня (Басманова, скажем) заботами сорокалетнего. Анатомически они, возможно, очень близки (но не одинаковы), а психологически – земля и небо!

Но это посторонние, относящиеся только к практике лич-

ных отношений соображения. Главное же, к чему пришли во время одного из ночных бдений Новиков, Шульгин и Антон: от эфира, естественно, никуда не денешься, это еще профессор Челленджер разъяснил в «Ядовитом поясе». Зато, если его влияние простирается и в глубь прошлых веков, волновая настройка сама собой меняться не может. Вот и пролетит мимо направленный на того Новикова, что действовал на Валгалле, деморализующий заряд. Хоть сотня нейронов заработала в ином режиме – и хватит. Не тот объект! Так же и с прочими, занесенными в «картотеку» дуггуров.

Отойдя от берега на десять миль, отряд пересек границу миров. На этот раз без всяких эффектов. Ни громового удара, едва не разломившего пароход, как при перемещении «Валгаллы» прошлый раз в двадцатый год, ни приступов морской болезни у пассажиров и пассажирок. Совершенно спокойно перешли, только специальный датчик сообщил, что – свершилось. Одна тысяча восемьсот девяносто девятый год на дворе. Август месяц. Как и задумано.

Никаких грубых вторжений в чужую реальность, если она сама не станет препятствовать нормальной жизни «эмигрантов».

«Валгалла» возглавляла кильватерный строй, теперь единственная плавучая база в новом и, если что-то пойдет не так, – *окончательном* мире. Перед уходом из Замка пять лет назад Новиков с Воронцовым об этом говорили.

«Если мы попадем хоть в мезозой — обязательно выживем. Не нужно нам будет вылавливать в море ящик с полезными предметами,¹⁰ в трюмах парохода достаточно припасов на любой предполагаемый случай. Не считая продовольствия — лет на пятьдесят хватит».

С продовольствием, естественно, здесь проблем не будет, время цивилизованное, так что главный упор сделали на оружие, боеприпасы, прочие предметы, необходимые для поддержания приемлемых жизненных стандартов. Те же репелленты, к примеру. Вроде бы и мелочь, а какво без них пробираться в африканских джунглях, кишачих всевозможными насекомыми и прочими членистоногими? Хоть бы и муху цеце вспомнить, едва не погубившую бура с его семейством в тех самых местах, куда направлялись наши герои.

Необходимость огромного ассортимента и количества принятого на борт имущества объяснялась еще и тем, что без крайней необходимости решено было не пользоваться никакими устройствами, способными навести врага на след. Дубликаторы, установки СПВ, блок-универсалы считались как бы «опломбированными», вроде радиостанций на корабле, выполняющем задание в режиме абсолютного радиомолчания. Исключение было сделано только для гомеостатов, теоретически ничего вовне не излучающих, коротковолновых средств связи и радиолокаторов. Их в девятнадцатом веке засечь просто нечем, и колебаний мирового эфира, которые

¹⁰ См. «Таинственный остров» Ж.Верна.

могли бы зафиксироваться техникой дуггуров, вызвать они не могли, на фоне гроз, магнитных бурь и иных атмосферных явлений.

«Изумруд» вскоре покинул отряд, направившись к собственной цели, и «Призрак» стал в кильватер пароходу, уверенно держа под парусами восемнадцать узлов. Пока этого было достаточно. Спешить особенно некуда, до Лондона не более четырех сотен миль, а горючее стоит поберечь. В цистернах «Валгаллы» его пока достаточно, и все же... Неизвестно, как обстановка сложится. Если уж совсем туго придется, дубликатор для пополнения запасов можно и включить на полчаса, но это в самом крайнем случае, когда станет ясно, удалось ли сбить противника со следа.

Океан вокруг был пуст, как в Средневековье. Регулярные трансатлантические линии проходили значительно южнее, да и локаторы позволяли без труда уклониться от нежелательных встреч, изменив курс задолго до того, как отряд станет доступен постороннему глазу, вооруженному примитивной оптикой.

Совершенно не нужно, чтобы в чьей-то памяти отложилась эта странная пара из огромного пассажирского лайнера и парусной яхты. Поодиночке они не раз будут появляться в разных портах и на морских путях, но вместе их видеть не должны. Здесь тоже не дураки живут, в случае возможных в будущем осложнений найдется кому сопоставить разрозненные факты и сделать нежелательные выводы.

Готовясь к походу, «мозговой центр» Братства тщательно промоделировал все варианты своего *внедрения*. До этого все участники проекта, за исключением Сильвии, естественно, имели об эпохе самые общие представления. Даже Новиков, знавший этот период лучше всех друзей, но тоже в пределах курса всеобщей истории, слегка оживленного несколькими беллетристическими книжками.

Вообще рубежу веков странным образом не повезло. Как-то он выпал из внимания культурного человечества, заслоненный куда более яркими событиями «до» и «после». Более-менее отложились в памяти грамотных людей краткосрочная и периферийная испано-американская война («первая война эпохи империализма», по словам Ленина), ну и пресловутая Англо-бурская, конечно. Причем для большинства тех, кто о ней вообще слышал, – исключительно благодаря книге Буссенара.

Оттого перед походом пришлось изучить все, что имелось в необъятной библиотеке «Валгаллы», и прежде всего – наиболее популярные и авторитетные газеты и журналы тех дней на четырех языках. В обычных условиях задача непосильная, тренированному кадровому разведчику потребовался бы не один месяц, чтобы овладеть «обстановкой», как это у них называется, в объеме, гарантирующем от провала. Так разведчикам приходится запоминать только детали, относящиеся к специфике «страны пребывания», а здесь

– время чужое, и жизнь, только внешне похожая на привычную. К счастью, от Новикова, Шульгина, Ирины требовалось только грамотно составить подборки нужных материалов, а там Антон перевел их в особый формат, предназначенный для мгновенного усвоения. Вместе с курсами нужных языков для тех, кто ими еще не владел. Один из последних его подарков на этом жизненном витке.

Но все равно для Сильвии оставалось много работы, чему она, по всему видно, была искренне рада. Книжные знания мировых событий последних пяти лет, имен политиков, царствующих в Европе особ, популярных писателей, актеров, драматургов, в большинстве прочно забытых к концу XX века, великосветских скандалов, на шумевших преступлений и так далее и тому подобное – необходимый *базис*. Но, как гласит исторический материализм, *надстройка* зачастую важнее. Люди, пишущие для современников (за исключением редких умельцев вроде Гиляровского), не имеют привычки упоминать, а тем более растолковывать вещи общеизвестные.

Где узнаешь, помимо очевидца, – как принято вести себя в магазинах, ресторанах, нанимать фиакр или кеб, давать ли «на чай», как, кому и сколько, в какой тональности разговаривать с равными себе и нижестоящими, что считать оскорблением или проявлением неуважения, как их различить и как реагировать...

Для женщин набор правил поведения, обычаев и тради-

ций был гораздо обширнее и сложнее, тут леди Спенсер оказалась совершенно незаменима. Чуть ли не с утра до вечера, в специально отведенных классах и походя, при каждом удобном случае она, как требовательная бонна и классная дама, диктовала, объясняла, одергивала, при помощи наглядных пособий и принципа «делай, как я» вбивала в сознание и подсознание питомиц нужные знания и навыки, доводя их до автоматизма.

При подготовке экспедиции в Белый Крым все было гораздо проще. Страна все же родная, эпоха куда более близкая, знакомая, в прежней жизни почти половина окружающих людей, в том числе и родственников, успела пожить «при царе» и в годы Гражданской войны. Одним словом, непреодолимого культурного барьера не было. Вдобавок по легенде «братья» были в определенном смысле иностранцами, что не требовало тщательности в соблюдении местных обычаев.

Через несколько дней многие начали роптать. В том смысле: «Зачем оно нам надо?» Общее представление имеем, и достаточно. В Англии будем представляться американцами с дикого Дальнего Запада, во Франции немцами, если потребуется, и так далее.

– В принципе кто мне мешает выдавать себя за богатого помещика из Оренбургской губернии? – вопрошал Берестин. – Буду объясняться на ломаном языке и сорить деньгами, будто вчера с развесистой клюквы слез...

– Можешь, кто тебе запретит, – охотно соглашалась Сильвия. – Татарским мурзой – тоже можешь. Будешь ходить в халате и, когда заблагорассудится, расстилать молитвенный коврик, с помощью оправленного в бриллианты компаса определяя направление на Мекку. А если серьезно, мы на самом деле не знаем, где можем оказаться, что с нами произойдет... Чем меньше будем привлекать внимания, тем лучше. Там тоже не дураки живут и работают. К тому же полагаются только на свой интеллект и специфические методики, за отсутствием привычных нам технических средств. Несмотря на якобы свободу и уважение к «прайвеси»,¹¹ за иностранцами в Англии присматривают весьма тщательно. Уж я-то знаю. А мы договорились вести жизнь невидимок, разве не так?

– Так, так, – поспешил согласиться Алексей, что не избавило его и присутствующих от продолжения лекции.

– В «прекрасную Викторианскую эпоху», что бы вы о ней ни думали, истинно свободными людьми, могущими жить так, как нравится, и в полной мере пользоваться достижениями тогдашней цивилизации, были британские аристократы. Желательно, с родословной, восходящей как минимум к временам войны Алой и Белой розы. Иностранцы, пусть и принадлежащие к «свету» у себя дома, котиrowались гораздо ниже. Их *принимали*, но не всегда и не везде, в душе относя к людям второго сорта. Пресловутые «бояр русс», уже то-

¹¹ Частной жизни.

гда умевшие развлекаться в разных монте-карлах и скупать поместья на Лазурном Берегу, вообще считались варварами, да вдобавок – историческими врагами. Это же Пальмерстону принадлежит крылатая фраза: «Как тяжело жить на свете, когда с Россией никто не воюет!» Далеко не в каждом приличном заведении (и обществе) они прошли бы «фейс-контроль», невзирая на количество денег в кармане и на счетах.

– Ничего, – с добродушной улыбкой сказал Воронцов, – мы тоже без комплексов. Несколько раз им разъяснили, «ху из ху», придется – повторим...

– Повторим – не совсем верно, – по привычке уточнил Левашов. – Может быть – предвосхитим?..

– Что-то ваши настроения мне не нравятся, – поджала губы Сильвия. – Во-первых, не забывайте, я тоже британская аристократка, а во-вторых, мы же заранее условились, никаких эксцессов...

– Нас не тронут – мы не тронем, – ответил Шульгин. – Насколько я помню, в каждом случае имевших место конфликтов **они** начинали первыми...

– Это, между нами говоря, большой вопрос, – не уступала леди. – Первый выстрел каждый раз делали, безусловно, они, но ведь надо знать англичан! С их точки зрения вы вели себя невыносимо вызывающе, а с «Грейт Бритн» так нельзя. Вы их намеренно доводили до бешенства, вот они и бросались в драку, как говорится, «очертя голову».

– Если бы мы их не знали, может, и вели бы себя посдер-

жанней, – сказал Воронцов, – а так – в самый раз. Хамов надо учить. Причем хамов – подловатеньких. Ведь в каждом случае они были абсолютно уверены в своем несоизмеримом превосходстве... А вот когда с Гитлером столкнулись, хвост поджали и терпели, пока тот Дюнкерк им не устроил и Лондон бомбить не начал...

– Ладно, закончили политинформацию, – поднял руку Новиков. – Нам теперь какое-то время под них косить придется, так что лучше обойтись без неприязни к своим персонажам. Хорош был бы Штирлиц, все время твердящий про себя – «фрицы проклятые»...

Действительно, как бы ни относиться к тогдашним владыкам полумира, непрерывно и постоянно учинявшим кризисы везде, где хотелось «правительству Ее Величества», генералам, адмиралам, колониальным губернаторам и вице-королям, а до поры до времени правильнее всего было изображать свою к ним принадлежность. Тоже ситуативно, разумеется, на тех территориях, где к «гордым британцам» относились с почтением или страхом, не переходящим в неконтролируемую агрессию.

И на территории Соединенного Королевства, как правильно сказала Сильвия, лучше появиться в качестве англичан, а не кого-либо другого. В те патриархальные времена назваться американцами в приличном месте значило примерно то же самое, что в семидесятые годы двадцатого века, по-

явившись в изысканном московском салоне «друзей театра на Таганке», громогласно провозгласить: «Здравствуйте, а я к вам из Пырловки (или Мухосранска)». Самый деликатный (политкорректный) из присутствующих поднесет палец к губам. «Ладно, мол, бывает, но зачем же об этом – вслух?»

В высший свет просачиваться, объявляя себя побочным сыном герцога Веллингтона, внучатым племянником последнего настоящего Плантагенета, никто не собирался, хотя, если бы очень захотелось, можно было и попробовать. Сильвия вон втерлась в родство к самому Черчиллю, в роли его двоюродной тетки, и получилось. Легче, чем у Остапа закрепиться в роли сына лейтенанта Шмидта.

(А вот интересно, чего бы Паниковскому не выйти из конвенции, без всяких конфликтов создав новую династию – братьев названного героя? По возрасту – как раз.)

Нужно было, используя схему известного рассказа Честертона, балансировать на тонкой грани, перед простолюдниками изображая крутых джентльменов, а очутившись в обществе последних, держать фасон, не слишком высовываясь. Ориентируясь, например, на личину сэра Говарда Грина, в роли которого Шульгин достаточно преуспел. Безукоризненные манеры с легким налетом чего-то бомбейско-калькуттского, совсем чуть-чуть выставленная напоказ состоятельность, нагловатость, если потребуют обстоятельства. Как у Дизраэли.

Собственно говоря, в Лондоне компания собиралась про-

вести не больше недели, от силы – двух. Они ведь знали, что война вот-вот разразится, а большинство британского общества пока пребывало в неопределенности. О том, что вопрос решен давно и окончательно, речи ни в парламенте, ни в прессе не шло, напротив, дело подавалось так, что Англия настроена вполне миролюбиво и озабочена лишь гражданскими правами так называемых «ойтландеров», то есть британских подданных, десятилетиями проникавших на территорию бурских республик в поисках золота и алмазов. Вот они, достигнув определенной численности и финансового успеха, потребовали, при полной поддержке королевского правительства, предоставления им избирательных и прочих прав первопоселенцев. Отказ автоматически вел к войне, имеющей целью аннексию Трансвааля и Оранжевой республики.

Срок, остающийся до объявления боевых действий, предполагалось использовать, прежде всего, для уяснения, насколько данная реальность совпадает с Главной исторической, затем – установления личных связей с лицами, которым предстоит в ближайшее время сыграть решающие роли в предстоящем конфликте. Действуя одновременно с обеих сторон, бурской и британской, представлялось весьма заманчивым и возможным устроить дело таким образом, чтобы районы, самые богатые золотом и алмазами, в результате естественного развития событий оказались вне досягаемости тех и других. В частных руках. В чьих именно – понятно.

Только Сильвия, естественно, могла свести молодых, жаждущих приключений парней с нужными людьми. И тут опять возникала интересная коллизия. Если этот мир – тот самый, значит, в нем непременно должна присутствовать она – «самая первая», и с ней каким-то образом придется встретиться. Каким – леди Спенсер уже придумала.

Одновременно с индивидуальной подготовкой к посещению нового мира, приходилось заниматься и материально-техническим оснащением. Что бы там ни предполагалось и планировалось, а в глубине почти у каждого таилась мысль, что вернуться, может быть, и не удастся. Если уж началось *такое*, раньше невиданное и неслыханное, так кто гарантирует, что в определенный момент не рассыплются в труху блок-универсалы, установки СПВ, вообще вся не соответствующая времени техника?

Это Левашов осторожно высказал подобную гипотезу – что, достаточно отделившись от момента своего создания «вверх по реке времени», перестав соответствовать местным законам природы, некоторые артефакты могут утратить свои свойства. Полностью или частично.

– Частично – это как? – сострил Шульгин. – В портсигарах можно будет по-прежнему носить сигареты?

– В этом роде. – Олег шутить был не склонен.

– Вздор, – заявила Сильвия. – Мой блок-универсал нормально работал намного раньше девяностых годов...

– Упускаешь небольшую деталь, – принялся растолковывать Левашов. – Ты работала, поддерживая постоянную связь с Главной Базой. Твой Шар и блок фактически являлись рабочими элементами вневременного управляющего центра. Да и Земля целиком входила в систему ячеек Сети. А сейчас... Я просто не знаю.

– Очень, кстати, возможный вариант, – вмешался Новиков. – Особенно если кто-нибудь приложит руку к его реализации. Что стоит подкрутить несколько гаечек в часовом механизме мироздания? Вроде как постоянную Планка или закон всемирного тяготения подкорректировать. Никаких видимых изменений, кроме одного – образуется время, в котором никакие подобные штучки существовать не могут, просто потому, что им тут не место. И узнаете вы об этом, братцы, когда поздно будет пить боржом.

Одна надежда останется, на сутры и мантры профессора Удолина. Вдруг да не подведет древняя мистика, посторонняя по отношению к электронным Гиперсетям...

– А ну, кончай пораженческие разговоры! – слегка возвысил голос до генеральских ноток Берестин. – Все трусы и паникеры будут караться по законам не извращенного, а военного времени...

Действительно, что теперь рассуждать и изобретать всяческие страшилки? Любое предприятие, от подъема на Эверест до похода в подмосковный лес за грибами, можно об-

ставить таким количеством алармистских¹² прогнозов, что захочется вообще никогда не вставать с дивана...

В подобных случаях единственный разумный выход – руководствоваться старинной русской поговоркой: «Помирать собирайся, а рожь сей!» Каким-то бродячим монахом в десятом, скажем, веке занесенная и переложенная на язык родных осин максима Марка Аврелия: «Делай, что должен, свершится, чему суждено». А то и самостоятельно придуманная, русичи в сходных обстоятельствах были небось не глупее римлян эпохи упадка.

Пока флотилия бороздит воды Атлантики, можно вернуться немного назад, к напряженным дням сборов в дорогу.

В глубокой, скрытой между крутыми прибрежными скалами бухте, расположенной в нескольких километрах от Замка, за холмами, густо заросшими реликтовыми орегонскими соснами, располагалась устроенная Воронцовым еще в первое посещение «военно-морская база».

– Первая советская база на американской территории, – любил он повторять, демонстрируя друзьям свой *объект*.

Объект был хороший, без вопросов. На случай чьих-нибудь вторжений (викингов, например?) узкая горловина прохода с внешнего на внутренний рейд прикрывалась береговыми батареями. Внутри бухты устроено несколько мощных пирсов-волноломов, способных защитить от любого шторма

¹² Алармистский – тревожный, пугающий.

или тропического урагана, оснащенных всеми положенными швартовочными устройствами и механизмами, трубопроводами для подачи топлива, рельсовыми путями и порталными кранами.

Еще глубже – гигантский сухой док, в котором и была построена, а точнее – *выращена* «Валгалла», куда ее сейчас вводил Воронцов, демонстрируя все навыки и качества «хорошей морской практики». Без помощи буксиров, исключительно своим ходом. А это дело, кто понимает, крайне простое.

Палубные роботы, обладающие сверхчеловеческой реакцией и массой разнообразных специальностей, многие из которых они могли исполнять одновременно, ему помогали, но командовал и ручки машинного телеграфа двигал все-таки сам Дмитрий.

Побегал пароход по морям порядочно, четыре полных года, в сражениях с силами превосходящего противника принимал участие неоднократно, торпедный удар выдержал, и для новой миссии ему требовался пусть не капитальный, но вполне серьезный текущий ремонт. Плюс кое-какая реконструкция, с учетом опыта эксплуатации.

Очистка днища от обрастания, это само собой, смена деформированных листов обшивки и погрызенных кавитацией винтов. Для соответствия корабельной архитектуре прошлого века – переделка клиперного образования форштевня на прямое, небольшое увеличение длины дымовых труб. И

многое другое по мелочи.

Чтобы добиться бесконечной автономности, Воронцов придумал и потребовал от Антона с Левашовым установить в топливных цистернах самостоятельные контуры дубликаторов. При выработке половины солярки от простейших, как в бачке унитаза, поплавков срабатывало контактное реле. И мгновенно происходило удвоение наличного горючего «до верхней пробки». Дмитрий считал, что буквально секундный всплеск напряженности поля, переформатирующего атомы окружающих пароход воздуха и воды в углеводород? извне не может быть зафиксирован никакими приборами, в том числе и дуггурскими, поскольку с объектами внешнего мира взаимодействия происходить не будет, все – «в замкнутом цикле», а на всякий случай можно придумать какой-нибудь *гасящий* сигнал типа мощного грозового разряда.

– Это уж, ребята, ваши заботы, хоть экраны вокруг дубликаторов поставьте, из того же материала, что футляр для Книги...

«Валгалла» приняла в десять побортно расположенных, хорошо защищенных танков четыре тысячи тонн топлива, чего и без включения дубликаторов хватит на половину экватора. С ними – пока машины не исчерпают моторесурс. Кругосветок через пять.

Вооружение тоже решили облегчить. Шведские шестидюймовые автоматы в восемьсот девяносто девятом году

просто не нужны. По причине отсутствия достойных целей и чрезмерной вибрации корпуса при полнозарядных очередях. А экономия веса и свободных площадей получается существенная.

Сорокаузловой скорости «Валгаллы» и дальнобойности ее десятидюймовок, втрое превосходящих любую пушку английских броненосцев (с тридцатикратным перевесом по прицельности и пятикратным по фугасному действию снаряда), вполне достаточно, чтобы не принимать во внимание пресловутого Гранд-флита вообще, как явления природы.

Двенадцати самых совершенных в мире, даже для шестидесятых годов, стотридцатимиллиметровых пушек было достаточно для боя с крейсерами какого угодно типа, опять же с недостижимых дистанций, если нужно, то и загоризонтных.

Для совсем уже незначительных целей вроде торпедных катеров и джонок малайских пиратов, имелись восемь спаренных пулеметов «КПВ».

От шального (всякое бывает) снаряда или торпеды пароход защищала композитная броня, суммарно достигающая прочности и сопротивляемости четырехсотмиллиметровой крупновской.

Как маловероятный, но все-таки допустимый вариант рассматривалась возможность появления таинственного врага (дуггуров и не только). На этот случай «Валгалла» оснащалась такими штуками, как противокорабельная ракета

«Москит», летящая на гиперзвуковой скорости, невидимыми ни в каком диапазоне (тоже подарок Антона) зенитными ракетами и мощными средствами радиоэлектронной борьбы.

Понятно, вся эта «гонка вооружений» имела смысл только при условии, что дуггуры или кто угодно другой, будут использовать технику и вооружение уже известного уровня. Если нет – о чем вообще говорить? Однако ведь до последнего момента как-то выкручивались. В любом случае – дольше жизни жить не будешь, раньше смерти не помрешь.

...Крейсер «Изумруд» в предстоящей кампании предполагалось использовать по прямому назначению, в качестве дальнего разведчика и корабля непосредственного прикрытия «Призрака» от пиратов, если таковые вдруг появятся, как появились однажды неизвестно откуда торпедные катера немецкого производства и непонятной принадлежности, а также и от английских крейсеров. Война в Южной Африке вот-вот начнется, и «Владычице морей» может не понравиться появление в непосредственной близости от ТВД подозрительной яхты. Вообразят вдруг англичане, что она занимается контрабандой в пользу буров, шпионажем за морскими перевозками или еще чем-нибудь, с их точки зрения предосудительным, вздумают захватить или сразу утопить без лишних разговоров. Тут четырьмя тридцатисемимиллиметровками не отобьешься.

Еще раз нужно подчеркнуть, что на этот раз наши герои заведомо не собирались в очередной раз переделывать историю. В идеале они мечтали, попутешествовав по пока еще девственной Африке, разыскав то, что хотели найти, удалиться на один из необитаемых и никому не принадлежащих островов. Такие, по счастью, еще имелись, не нанесенные на самые подробные карты. Мысль о том, чтобы с годик побездельничать на лоне природы, из «прекрасного далеко» наблюдая за коловращением жизни на планете, казалась до чрезвычайности заманчивой.

Но при этом толстовцами они себя тоже не воображали. Если обстоятельства вынудят, придется поступать в соответствии с законами и обычаями окружающего мира. Стараясь до последней крайности не выходить за рамки необходимого и достаточного. Такова, в целом, была стратегическая концепция...

Согласно справочникам «Джен» и оперативной информации, при достаточном напряжении сил англичане могли сосредоточить в южноафриканских водах и на коммуникациях более двух десятков современных крейсеров, водоизмещением от трех до десяти тысяч тонн, скоростью 20–22 узла, вооруженных по преимуществу шестидюймовой артиллерией, с бронезащитой от пятидесяти до ста миллиметров. Кроме того, недавно в строй вошли два гигантских бронепалубных крейсера «Террибль» и «Пауэрфулл», по 14 ты-

сяч тонн каждый, специально спроектированные для борьбы с русскими океанскими рейдерами «Рюрик» и «Россия». Встреча с ними тоже не исключалась.

«Изумруд» должен был иметь возможность оказать эффективное сопротивление любому крейсерскому соединению вероятного противника. Конечно, за счет скорости (25 проектных узлов для 1903 года, 32 в его нынешнем состоянии, а по проекту модернизации он должен выходить на 42–44, как лидеры «Ташкент» и «Ленинград») легко уклониться не только от боя, но и от визуального контакта, но, как известно, военные корабли строят не для того, чтобы бегать от неприятеля.

Поэтому «Изумруд» нуждался в гораздо более глубокой переделке, чем «Валгалла».

...Нужно пояснить читателю, что с этим крейсером получилась совершенно непонятная история. Любому, даже дилетанту в военно-морской истории, известно, что 15 мая 1904 года, когда небоеспособные остатки русской эскадры, окруженные почти всем японским флотом, спустили флаги, «Изумруд» под командованием капитана 2-го ранга Ферзена решил на прорыв. Развив полный ход, он прорезал строй японских кораблей и вскоре скрылся за горизонтом. Японцы гнаться за отважным кораблем даже и не пробовали. Ни один из их крейсеров больше двадцати двух узлов дать не мог, и то теоретически, а лихо себя проявившие в ночных

торпедных атаках контрминоносцы английского производства: «Сазанами», «Юкагири», «Кагеро» и прочие, при своих 27 узлах (тоже проектных) не рискнули гнаться за крейсером, вооруженным двадцатимиллиметровыми пушками. И, как показал момент, настроенным очень решительно.

«Изумруд» спокойно ушел, провожаемый бессмысленными выстрелами вслед и тоскливым «Ура» экипажей броненосцев, которым суждено было обрести не славу, а позор. Этому прорыву посвящена отдельная глава бессмертного романа Новикова-Прибоя «Цусима» – «Перед врагами герой, а на свободе растерялся». Из нее каждому известно, что крейсер по дороге домой потерял ориентировку, вместо Владивостока очутился в бухте Владимир, выскочил на камни и был взорван экипажем. Так что подвиг, достойный войти в анналы, должного завершения не получил.

Сама по себе ситуация достаточно глупая, а то и странная, но вполне вписывающаяся заключительным аккордом в переполненную нелепостями и выходящим за рамки вероятностей нагромождением несчастных случаев и роковых ошибок историю этой войны. Не зря один из склонных к философствованию на подобные темы литераторов высказал предположение, что японцы к тому времени овладели способностью мистически влиять на психику и поведение своих врагов (создавать устойчивые мифы, проще говоря). Посредством буддизма, синтоизма или иных, в настоящее время необъяснимых практик.

В доказательство приводился весь набор знакомых каждому любителю истории примеров и доводов, плюс неопубликованные и широкому читателю неизвестные (наверное, вследствие запрета со стороны японцев?) воспоминания участников капитуляции отряда Небогатова. Эти «герои» (безусловно, для самооправдания) дружно утверждали, что в тот день испытывали дезориентацию во времени и пространстве, все, от матросов до адмирала, вели себя неадекватно и фактически за свои действия не отвечали. То же самое якобы случилось с командиром и офицерами «Изумруда». Как только крейсер прорвал кольцо блокады и пошел предписанным курсом, все они вместо естественного в таких условиях азарта начали испытывать депрессию, вялость, немотивированные страхи и даже галлюцинации. Отчего ни сам командир, ни старший офицер, ни вахтенные штурмана не смогли проложить верный курс в открытом море (задача, посильная любому гардемарину-старшекурснику).

Кстати сказать, гипотеза не такая глупая, если ее автор хоть краешком прикоснулся к эзотерике, посетив несколько семинаров того же Удолина. При определенном складе психики еще не к таким выводам можно было прийти.

В то же время известно, что вся целиком реальность Игоря Росточкина возникла благодаря тому, что с первого дня Русско-японской войны «вектор случайностей» поменял знак, и абсолютно все неблагоприятные стечения обстоятельств, ошибки и просчеты, объяснимые или нет, переад-

ресовались другой стороне. Отчего война была проиграна японцами с разгромным счетом и Островная империя вновь на долгие десятилетия впала в ничтожество.

А с «Изумрудом», причем на ГИП, случилось странное. Непонятным образом, весьма напоминающим то, что произошло с «Призраком», встретившимся с немецкими «Люрсенами» на просторах Тихого океана неизвестно в каком году. Он скорее всего попал в одну из гипотетических «точек деформации континуума». И, пройдя ее совершенно нечувствительным образом, в положенное время благополучно пришел во Владивосток, как и три других уцелевших в сражении корабля.

Абсолютно никаких исторических последствий этот малозначительный факт не имел, разве что ненаписанная пока «Цусима» станет на несколько страниц короче. Крейсер продолжил свою службу в составе Сибирской военной флотилии, а в 1921 году (уже в нашей, Югоросской реальности), при попытке прорыва в белый Крым, был интернирован англичанами. Очевидно, это был акт довольно-таки жалкой мести за разгром британской эскадры в Черном море.

Изображавший из себя в очередной раз сэра Говарда Грина Шульгин, занимавшийся оформлением купленной в Новой Зеландии земли и закладкой Форта Росс, третьего по счету, исключительно из романтических соображений решил приобрести у британцев совершенно ненужный им старый крейсер. Пользующемуся покровительством высших

кругов общества аристократу, изъявившему желание переделать «Изумруд» в личную яхту, уступили его по чисто символической цене и передали «как есть», даже не демонтировав вооружение. А у поселенцев форта появилась собственная боевая единица.

Остальных членов Братства, кроме Воронцова и Владимира Белли, естественно, судьба и история корабля не слишком интересовала. Но и Шульгин и Новиков были немало обескуражены: выходило – вопреки тому, что можно назвать теорией, будущее все же может оказывать воздействие на прошлое. И если факт в их распоряжении имелся пока единственный, то кто может утверждать, что на самом деле их не сотни и тысячи? Просто здесь они точно знали, что в абсолютно аналогичном всей писаной истории двадцатого века мире обнаружился бесспорный артефакт. Как, зачем, почему – неизвестно. Просто был – и все. Возник он, нужно полагать, в явной связи с перемещением «Валгаллы» в двадцатый год. Проверить это пока не представлялось возможным, поскольку вся существующая здесь военно-морская литература: и российская, и зарубежная – подтверждала: все с «Изумрудом» обстояло именно так, а не иначе. А та, что имелась в библиотеке Братства, утверждала прямо противоположное.

Еще одним подтверждением этой гипотезы могла быть судьба адмирала Колчака, поскольку в исторических документах имелись вроде бы достоверные свидетельства его расстрела. Но тут однозначность отсутствовала, вполне допус-

калась фальсификация и сознательная дезинформация со стороны большевиков.

Выходит, что Шекли с его «Искаженным миром» прав и существуют Вселенные, отличающиеся от нашей одной-единственной деталью? Ну если и так, то что? Какое это может иметь значение в сравнении со всем остальным?

Друзья решили не придавать своему открытию никакого значения. Парадоксом больше, парадоксом меньше...

Но неприятный осадок остался. Как у биолога, которому амeba, рассматриваемая в микроскоп, вдруг показала кукиш.

Для «Изумруда» создали еще один сухой док, соразмерный, поблизости от большого, где стояла «Валгалла». К работе пришлось привлечь не только Антона, но и Арчибальда, по его собственной просьбе. Прошлый раз он участвовал в «постройке», точнее сказать – *выращивании*, парохода в качестве не совсем одушевленного устройства, а сейчас захотел побыть равноправным коллегой.

То, что его телесное воплощение оставалось не более чем одним из эффекторов все той же машины, не имело значения. Наталья тоже, пока вела переговоры с Воронцовым, никак не являлась настоящей женщиной, но Дмитрий, разумом это понимая, эмоционально воспринимал ее как живую. Впоследствии оказалось, что чувства его не обманули, а если бы он предпочел чисто рациональный подход, не было бы у

него сейчас любимой жены, остались бы только неприятные воспоминания.

– Раз мы все договорились избегать всякой мистики и магии, – говорил Арчибальд, спускаясь в окружении свиты «заинтересованных лиц» с площадки над воротами дока на палубу крейсера, – будем следовать этому условию.

– Мистика и магия – это что в твоём понимании? – спросил Воронцов, первым очутившись на шканцах¹³ и с интересом глядя на респектабельного джентльмена, судя по его лицу и поведению, впервые оказавшегося на военном корабле. Это сразу видно, если кто понимает.

– Все, что не является результатом или продуктом развития естественных наук, сообразных нынешнему уровню общества...

– А что, неплохо сформулировано, – сказал Новиков, а Шульгин подтвердил то же самое, но грубее: «Хорошо излагает, собака», одновременно мимикой и внутренним посылом пояснив, что это всего лишь цитата из канонического романа, но никак не оскорбление.

Арчибальд сделал вид, что так и понял. Он и сам представлял собой интеллектуальную композицию преимущественно литературных персонажей. Иных моделей для подражания взять ему было неоткуда, разве что тупо копировать психоматрицы своих гостей.

– Как вы понимаете, для меня не составило бы труда со-

¹³ Шканцы – часть верхней палубы между грот– и бизань-мачтами.

здать в соответствующих контурах мысленную копию этого кораблика, основываясь на ваших представлениях, после чего материализовать ее. Точно так, как материализовывались ваши пожелания о топографии и внутреннем содержании помещений самого замка. Вы, Дмитрий, первым научились управлять процессами моделирования и трансформации новых сущностей...

– Сейчас это к делу не имеет отношения, – с излишней, пожалуй, резкостью, сказал Воронцов. В словах Арчибальда он уловил неприятный для себя намек. – Давай по сути...

– Только этого я и хочу. Мы могли бы пойти тем же путем и получили бы искомое фактически мгновенно, и наилучшего качества... – Арчибальд, начав развивать какую-то мысль, не мог остановиться, не доведя ее до законченной формы (как он сам это представлял). – Но беда в том, что любое использование указанных методик (в силу того, что док находится вне защитного поля замка) непременно вызовет резонанс временнуй ткани, на всем ее протяжении. Вдоль и поперек. И датчики напряженности хронополя, если они имеются у дуггуров (а они у них непременно имеются, раз им доступны перемещения по мировым линиям), обязательно такое действие зафиксируют. Со всеми вытекающими...

– Еще короче, – потребовал Воронцов. – Любителей потрепаться у нас и без тебя хватает.

Верно сказано. Посадить визави Арчибальда и Удолина, вот бы поговорили...

– Обидеть хотите? Ваше право. Я вот о чем. Ваш крейсер мы будем перестраивать чисто механическим способом, к «тонким» сферам отношения не имеющим... Наблюдайте, восхищайтесь...

На проложенные вдоль верхних бортов дока рельсы, повинаясь незримой и неслышимой команде, тут же выехали из примыкающего со стороны берега ангара установленные на железнодорожные тележки агрегаты, напоминающие бронев вагоны времен Гражданской войны. На подножках стояли и толпились внутри у раскрытых дверей одетые в «синее рабочее» фигуры, больше всего похожие на сверхсрочнослужащих по механической части.

Машины распределились вдоль корпуса крейсера в шахматном порядке, от форштевня до кормового свеса. Их персонал тут же начал действовать, быстро, четко, явно квалифицированно, будто только этим всю службу и занимались. Буквально в считанные секунды со стенки на палубу были переброшены широкие сходни, техники дружно потянули сквозь распахнувшиеся с лязгом люки толстые цветные кабели, присоединенные к ним непонятного назначения устройства разнообразных форм и размеров. При этом в воздухе не висели гирлянды командных слов пополам с матерными. Распорядители работ и исполнители между собой не переговаривались, на людей, оказавшихся посередине поля их деятельности, внимания не обращали. Как их здесь и не было.

– Ну, роботы, не первый день знакомы, – повернувшись к Антону, сказал Воронцов. – Теперь, надеюсь, запрета на их неограниченное использование больше не существует? А то ведь, хочешь – не хочешь, нам, по вновь открывшимся обстоятельствам, потребуется еще десятков пять, не меньше. Как, командир, – спросил он у Белли, – полсотни таких орлов тебя устроят?

Владимиру с первых дней службы приходилось встречаться с этими андроидами на «Валгалле», и он научился воспринимать их, как естественные элементы окружающей действительности. Бывало, Воронцов выделял в распоряжение старлейта некоторое их количество для экстренных и особо сложных работ, но в основном крейсер обслуживался живым персоналом. Вместо положенных по штату трехсот человек у старшего лейтенанта в экипаже имелось не более семидесяти бывших гардемарин и младших офицеров, понявших и принявших новую реальность, подобно рейнджерам Басманова. Для поддержания «Изумруда» в рабочем состоянии такого состава хватало, но для трансокеанского похода, многомесячного рейдерства в открытом море и, если придется, боя – ни в коем случае.

– При круглосуточном несении вахт – безусловно хватит, ваше превосходительство. – Белли так и не научился в служебной обстановке обходиться без титулования. – Командные должности у меня полностью укомплектованы, старшие гардемарины и мичманы четвертый год матросские обязан-

ности исполняют... Нехорошо получается, неудобно.

— В Гражданскую капитаны и подполковники рядовыми в бой ходили, и ничего, — вставил Новиков.

— Без особой радости, как я помню, — с намеком на дерзость ответил Белли, которому приходилось командовать бывшими однокашниками и офицерами, старшими по производству, отчего он постоянно ощущал определенную неловкость. Не тот характер, что, скажем, у поручика Тухачевского: тому помыкать заслуженными полковниками и генералами было всласть.

— Ладно, это пока не по теме. Сейчас о другом нужно думать, — примирительно сказал Воронцов. — Доведем крейсер до ума, тогда и займемся оргштатными мероприятиями...

— Будут вам «люди», в полном комплекте, — тронул Арчибальд за локоть старшего лейтенанта. — Все ограничения снимаются, согласны, Антон? А пока давайте сойдем на берег. Мы мешаем...

Деятельности охваченных трудовым энтузиазмом роботов они и в самом деле мешали. Те разбежались по палубам и мостикам, потянули кабели, широкие, блестящие тусклым серебром шины в тамбуры люков, принялись устанавливать на боевых постах и орудейных площадках металлические и пластиковые ящики, обвешивать леерные стойки, трапы, рангоут и такелаж проводами на зажимах-«крокодилах».

— Ну и что это будет означать? — спросил Белли, не имевший подходящего опыта, когда всем синклитом они спусти-

лись на пирс и, закутив, наблюдали за внешне беспорядочной, как на куполе муравейника, но явно целенаправленной суетой.

— Да ничего особенного, юноша, — ответил Арчибальд, для которого с высоты его возраста, может быть, и тысячелетнего, командир крейсера мог восприниматься вообще младенцем. — Как указано в техзадании, представленном Дмитрием, через вполне непродолжительное время весь набор крейсера путем обыкновенной трансмутации будет заменен на стале-карбоно-титановый, причем рассчитанный наилучшим способом, с исключением всех ненагруженных элементов. Что около половины массы корабля не обеспечивает никакой полезной функции, а в лучшем случае держит только саму себя, вы должны знать из курса Морского корпуса. Отсюда необходимость в многократно завышенном запасе прочности и неизбежные перегрузки. Мы от этого избавляемся.

Никчемную, давно уставшую и поржавевшую сталь обшивки так же быстро превратят в гораздо более легкие и прочные материалы. Про карбоны и мономолекулярные материалы слышали?

— Мельком, — ответил Белли, которому слушать Арчибальда было интересно, но неприятно. И заслуженного крейсера, который совсем скоро превратится в нечто совсем другое, было жалко, и от сознания, что с ним никто планируемой переделки не обсуждал, самолюбие пощипывало.

– А больше и не нужно, – кося под Мефистофеля, усмехнулся тот. – Приличная мономолекулярная нить железа выдерживает нагрузку на разрыв в сотни раз большую, чем обычная проволока той же толщины. Теперь вообразите нечто вроде листа войлока, изготовленного из таких нитей. С двух сторон усиленного десятимиллиметровыми листами карбона. Это карапасная¹⁴ броневая палуба, скосами уходящая на метр ниже ватерлинии. И наружный борт вдобавок выполним из такой же «фанеры», снаружи прикрытой лучшей броневой сталью. Я посчитал – с дистанции пятьдесят кабельтов бронебойный снаряд любого калибра из орудия конца прошлого века такую броню не пробьет. С учетом угла встречи. А ближе вам подходить вряд ли потребуется.

Подводная часть, поверх дубовой прокладки, обшивается листами бериллиевой бронзы. Бериллий настолько ядовит, что ни моллюски, не водоросли на нем жить не могут.

Одним словом, с завтрашнего дня вы станете командиром единственного в мире сверхскоростного легкого броненосного крейсера, смертельно опасного даже для броненосцев. За счет уникальной по дальнобойности и мощи артиллерии. С чем вас и поздравляю! – Арчибальд приложил руку к сердцу и манерно поклонился.

– Ладно, – сказал Новиков, которому ерничество Замка изрядно поднадоело. – Готово будет, тогда и посмотрим. А сейчас чего здесь толкаться?

¹⁴ Имеющая форму панциря черепахи.

Владимиру уходить не хотелось. Он тут же вытребовал себе право присутствовать во время всего процесса, присматривая за ходом работ и внося собственные предложения и пожелания. Хотя бы по поводу планировки и оснащения жилых помещений, ходовой и боевой рубки. Понятное дело, в двадцать пять лет никому не доводилось оказаться в должности командира корабля такого класса, и доверить его оборудование и комплектование неразумным машинам было выше сил старшего лейтенанта.

Воронцов младшего коллегу отлично понимал. Ему было далеко за тридцать, и то во время постройки он сутками не сходил на берег с «Валгаллы», стремясь все видеть и все потрогать своими руками.

Глава четвертая

«Валгалла» и «Призрак» могли в этом мире спокойно заходить в порты любого государства. Пароход под звездно-полосатым (порт приписки Сан-Франциско), яхта под личным флагом владельца, все того же пресловутого Говарда Грина, вполне легализованного сотрудника Сильвии, ныне, по ее воспоминаниям, пребывающего «по собственным делам» в Японии. Там у аггрианской резидентуры имелись интересы, связанные со сложным клубком международных интриг вокруг восстания ихэцюань¹⁵ (боксерского). Так что обвинения в самозванстве предъявить было некому. Шульгин, на время экспедиции принявший придуманный в детстве псевдоним Дик Мэллони, выступал в качестве любимого племянника, которому дядюшка для расширения кругозора и укрепления здоровья позволил «обкатать» только что построенную яхту.

Сильвия изображала старшую кузину – вторую племянницу Грина.

Остальные – их гости, молодежь из хороших семей, гарантированно не имеющие родственников в Метрополии.

¹⁵ Ихэцюань («Кулак во имя справедливости») – китайское тайное общество, поднявшее в 1899–1900 г.г. «антиимпериалистическое» восстание. В его подавлении приняли участие экспедиционные силы держав, имевших в Китае свои интересы: Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии и Австро-Венгрии.

Владельцем «Валгаллы», как и прежде, значился Эндрю Ньюмен, бизнесмен, направляющийся из Нью-Йорка в Стокгольм. Чтобы избежать таможенного досмотра, а также и портовых расходов, пароход остался на внешнем рейде в устье Темзы, и пассажиры отправились в Лондон собственным катером.

Сложнее было с «Изумрудом». Заход военного корабля, под каким угодно флагом, в территориальные воды цивилизованных стран сопровождался таким количеством формальностей и согласований на высоких уровнях, что пришлось бы крейсеру оставаться дрейфовать в открытом море, избегая встреч с чужими плавсредствами.

Кроме того, в Крыму оставался Басманов со своей командой, и их нужно было забрать с собой, раз обещали. Ребята увидят наконец пресловутую Африку, а путешественникам будет куда спокойнее заниматься своими изысканиями, зная, что есть за спиной сила, которая поможет при любом развитии событий.

Поэтому решили сразу перебросить крейсер в двадцать пятый год, а уже потом забрать его в девяносто девятый. В нужный момент и в подходящем месте.

Маскировщики хорошо поработали над крейсером: установили высокие съемные фальшборта, две трубы убрали, а третью удлинили, соорудили макеты грузовых стрел и высокую надстройку в корме. Даже с полумили его легко было принять за старый, обшарпанный, запущенный лесовоз.

Владимир Белли получил все необходимые инструкции, кроме того, с ним решили пойти Ростокин с Аллой. Военному корреспонденту интереснее была очередная хитрая операция, чем курортное безделье на «Валгалле».

На самом деле Братству здесь и сейчас ничего серьезно не угрожало. Пусть через определенное время контрразведчики, сыщики, ясновидцы гениальным озарением или в результате кропотливой аналитической работы придут к выводу, что в Англии объявилась неизвестная тайная организация. Это почти невероятно, но допустим. Сопоставят какие-то, пока не случившиеся события, в силу невероятных совпадений установят, что и Ньюмен не Ньюмен, и Мэллоуни не племянник Грина, что в Северном море болтается не шведский лесовоз, а крейсер неизвестной принадлежности. И что из того, по большому счету?

Какие действенные меры смогут принять государственные власти, тогдашние спецслужбы или частные организации вроде пресловутой «Системы», которая скорее всего организационно еще и не оформилась, против сплоченной команды Братства?

Арестовать кого-либо из них, даже поодиночке, у полиции не хватит обычной физической подготовки, а главное — моральной готовности. Лондонские «бобби» тогда не носили оружия, кроме деревянных дубинок, воздействуя на нарушителей закона исключительно авторитетом мундира. Иные

представители спецслужб имели при себе иногда револьверы типа «Бульдог» и «Велодог». Что-то более эффективное просто не помещалось в карманах. До создания классического «браунинга», образца и идеала всех последующих карманных пистолетов, оставался еще целый год. Что они могли противопоставить беглому огню «стечкиных» или «беретт»?

Воспретить выход в море «Валгалле» и даже «Призраку» – то же самое. Прорвутся, невзирая на потери противной стороны.

Но это все теоретические, они же праздные, размышления. Реальная опасность может возникнуть только в двух случаях – если их расшифрует и начнет работать против них тогдашняя агтрианская резидентура или вдруг каким-то образом вновь проявят себя Игроки. К примеру, наведут пресловутых и ужасных дуггуров, окажут им, так сказать, интернациональную помощь. Просто так, для обострения партии...

От подобных рассуждений, время от времени всплывавших в ходе разговоров, постоянно ведшихся в кают-компаниях и на мостиках (что еще делать в море?), снова начинало отдавать паранойей. На что справедливо указал Шульгин, которому новые пациенты были не нужны. Слава богу, Новиков с депрессией разделался! Вот перешли межвременную границу – и все! Так Александр Иванович однажды и выразился за коктейль-парти. В излишне резкой, может быть, но с врачебной точки зрения верной манере.

– Не понимаю, так вас и так, что на свете творится! В Крым ходили, еще в три мира – тоже, и никогда такого нытья не слышал! Неужто поганые обезьяны с пулеметами всех до потери лица травмировали? Чека не боялись, КГБ, ФСБ, княжеской контрразведки, суздалевских «инквизиторов», а тут о допотопном Скотленд-ярде с придыханием заговорили, словно в лапы гестапо собрались... Смотрю, слушаю, и поражаюсь! Давно вместе не собирались, а собрались – не солдаты удачи, а сборище интеллигентов с кухни семидесятых... Водку пьют и откровенничают, кто лучше других распечатку «Собачьего сердца» спрятал. Тьфу!

Сказано это было по расчету, но на вид – сгоряча, от всего сердца. Шульгину действительно было непонятно – что с людьми происходит? Мелькнула мыслишка, не есть ли подобная психическая деформация подобием «ломки» после отключения от Гиперсети? Нет, на самом деле, никогда раньше он не видел своих друзей и компаньонов такими растерянными, дезориентированными, что ли...

На эту тему он не стал говорить ни с кем. Чтобы врачу-психиатру с пациентами советоваться...

На тех, с кем он сидел за столом на подветренной стороне шлюпочной палубы, рядом с источающей тепло кормовой трубой, слова Шульгина произвели нужное впечатление.

С долей смущения Левашов сказал:

– Да ведь и правда! Что мы, на самом деле? Какую уже неделю о ерунде болтаем. Пора завязывать. Решили стать

двадцатилетними кладоискателями – ну и хватит. Мне тоже это бесконечное переливание из пустого в порожнее обрыдло! К черту рефлексии! Вив ля ви эт ля ме!¹⁶

– Эт ля фам, – добавил Новиков, поднимая бокал. Сидящие рядом женщины возражать не стали.

Моторный катер «Валгаллы», с пятидесятисильным керосиновым движком, взбивал винтом грязную воду Темзы, бодро преодолевая встречное отливное течение от причалов Тильбери к лондонским пирсам в черте города. «Призрак» своим ходом поднялся к Тауэр-бридж, где была вполне приличная стоянка для прогулочных судов примерно его класса. Вялый начальник таможни в синем мундире лениво скользнул глазами по документам и спрятал в карман фунтовую бумажку. Лет на семьдесят позже обиделся бы на полусотенную, так здесь покупательная способность другая, и психологическая атмосфера тоже.

– Кебы найдутся? – спросил Новиков. – До Пиккадилли?

Их, веселой компанией сходявших с трапа, было целых восемь человек. Дамы, шуршащие кринолинами, уверенные в себе мужчины в клетчатых брюках в обтяжку и твидовых пиджаках.

– Господа из Америки? – спросил чиновник.

– Из Австралии. Там еще интереснее, – ответил идущий последним Берестин и протянул ему еще одну белую бу-

¹⁶ «Да здравствует жизнь и море!» – (франц. с акцентом).

мажку. Свое недельное жалованье таможенник уже получил, ничего не досматривая. Да и что стоило досматривать на небольшой яхте, пассажиры которой спускались на берег с маленькими саквояжами, а дамы (ох, какие дамы!) только с театральными сумочками?

Но тут же немедленно объявился помощник начальника, очень озабоченный вопросами службы или тоже мечтающий о фунте стерлингов (приличные по тем временам деньги). Кружка пива в пабе стоила пять пенсов, а в фунте этих пенсов содержалось двести сорок.¹⁷

– Прошу прощения, мисс, – обратился он к Ларисе, первой из девушек, оказавшейся рядом с ним. Но это, наверное, не главный повод. Возможно, взгляд у нее бегал по сторонам сильнее, чем у других, возбуждение ощущалось. Первый раз она оказалась в загадочном, слегка пугающем мире, и сумка была побольше, чем у других. У Ирины и Сильвии имелся иммунитет к любой экзотике, исторической и географической, Анна настолько полагалась на мужа, что была на самом деле абсолютно спокойна. Известные из истории башни Тауэра ей казались интереснее, чем пограничные формальности. А представители мытарского сословия во все времена отличались способностями к физиономистике.

– Что вы хотите? – удивилась и тут же начала раздражаться Лариса. – Осмотреть мою сумочку? Но это неслыханно!

¹⁷ В пересчете на советские цены семидесятых годов сорок восемь кружек плохого пива стоили 10 рублей, т. е. трехдневный заработок инженера или врача.

Кто вы такой, чтобы...

— Я вас настоятельно прошу... — Или вожжа под хвост чиновнику попала, или своего шефа решил *дезавуировать*... Момент, кстати, подходящий. Только в другом случае.

Лариса, поймав предупреждающий взгляд Новикова, внутренне взяла себя в руки, но внешне продолжала разыгрывать капризную ярость. Резким движением расстегнула свою достаточно обширную сумку с плечевым ремнем, ткнула ее в лицо таможенника. Самым грубым образом.

— Смотри, ищи, что хочешь, но завтра ты здесь работать не будешь! Первый лорд Адмиралтейства в порошок тебя сотрет, и твою поганую таможду, и все твое начальство! Обыскивать виконтессу де Бишоп?!

Тут уже не важно, что говорить. Лишь бы убедительно.

В сумке, разумеется, не было ничего, кроме духов, пудры, иных женских мелочей. Пистолет у Ларисы был пристегнут к нижним планшеткам корсета с внутренней стороны бедра. Выхватить, в случае нужды, его можно было в мгновение ока через прорезь, спрятанную в складках юбки.

Инспектор, не касаясь руками, быстро и цепко осмотрел содержимое.

— Простите, мисс, — и перевел свой взгляд на Сильвию. Та ответила ему такой яростной вспышкой глаз, что он смешался.

Новиков взял под локоть главного таможенника, отвел на два шага в сторону от трапа.

– Он у вас правда сумасшедший, мастер, как вас там?

– Меня зовут Хикс, Хикс, сэр! Я совсем не понимаю, что на него нашло... Мы не досматриваем личные вещи пассажиров, тем более дам, только в самых исключительных случаях. Ну, вы понимаете... С ним, наверное, и вправду что-нибудь случилось...

– Тогда что же вы, зная законы и получив некоторое вознаграждение, не остановили вовремя, не пресекли **бестактные** действия своего подчиненного?

– Я... Я правда не знаю, сэр! Вы нас извините, надеюсь... Субинтендент Гэвеллен непременно будет наказан... Гэвеллен, вы меня слышите? Немедленно вернитесь в контору...

– Есть, сэр, я вас понял, сэр...

Однако в его тоне прозвучало нечто вроде угрозы, обращенной теперь уже к начальнику.

– Хорошо, я готов счесть инцидент исчерпанным, раз вы признаете ошибку и принесли извинения, – в меру добродушно сказал, подходя к ним, Шульгин, игравший роль временного владельца судна. – Но я бы вам посоветовал тщательно разобраться в мотивах поведения вашего сотрудника. Знаете, – доверительно сказал он Хиксу, – мы в колониях люди более возбудимые и склонные к защите своего достоинства, чем жители Метрополии. Климат там вредный для здоровья, и от туземцев постоянно ждешь всяких неожиданностей... А через неделю, когда мы намерены отплыть, вы мне расскажете, что же на самом деле хотел обнаружить у

леди субинтендент Гэвеллен. Договорились? Вот и хорошо.

Как и было заранее решено, пассажиры «Валгаллы» и «Призрака» поселились в многоэтажном, мрачном, как Бастилия, отеле, занимающем целый квартал на Черинг-Кросс-роуд. Как раз того уровня, что подходил к их легендам. В меру дорого, достаточно приватно и близко до всех достопримечательностей столицы полумира. Лондон, в заслуживающей внимания части, достаточно небольшой город. За пару часов обойти можно. Как Москву в пределах Бульварного кольца.

В духе времени девушки – Ирэн, Лэрис и Энн – заняли один на всех огромный номер с тремя спальнями и двумя гостиными. Сильвия, изображая замужнюю даму, поселилась с Берестиным в угловом апартаменте, выходящем окнами на Трафальгар-сквер. Остальные ограничились однокомнатными, но очень просторными помещениями, предварявшими своими интерьерами многофункциональные однообъемные жилища эпохи Миса ван дер Роэ. Все в пределах тупикового ответвления коридора, богато украшенного атласными, оранжевыми в синюю вертикальную полосу обоями, потолочными плафонами, бронзовыми светильниками в виде нимф в натуральную величину, одной рукой прикрывающих свои прелести, а другой вздымающих шипящие газовые факелы. От них исходил более-менее яркий, но недостаточный для «нормального» человека свет, вдобавок – непривычного

спектра.

Воронцов с Натальей, Басманов, Кирсанов, Ростокин с Аллой поселились в параллельном крыле, строго напротив, так, что, выходя на балконы, можно было обмениваться жеманностями, а также переговариваться с помощью карманных радиоприемников. Телефонной связи между номерами здесь пока не придумали.

Новиков, освоившись в комнате, постучался в дверь номера Берестина и Сильвии. Несколько позже к ним присоединился Шульгин.

– Неплохо, очень неплохо, – сказал Сашка, обойдя комнаты, за исключением спальни, конечно. – Я думаю, жить в этих временах можно. Вот посмотрим, чем в ресторане кормят, тогда сделаем окончательный вывод...

– Графин с виски, по крайней мере, нас уже ждет, – сообщил Алексей, указывая на круглый столик в гостиной. – Входит в норму обеспечения необходимых потребностей...

– Толково, – кивнул Шульгин, – понимают, что джентльменам нужно, – но пить отказался. Новиков пока тоже.

– Что бы ты, леди Си, сказала по поводу случившегося инцидента? У вас так часто бывает?

– Со мной – не случилось, – честно ответила Сильвия, кутаясь в банный халат. Горничная уже разожгла угольный титан в ванной комнате, но нагреваться ему предстояло не меньше получаса.

«Что за привычка у этих островитян, – с внутренней

усмешкой подумал Андрей. – То тыщу лет, со времен римлян, вообще не мылись, а теперь вдруг – ванна и душ два раза в день! У нас проще – баня раз в неделю – и хватит. Как говорил Чингиз-хан: „Кто смывает с себя грязь – смывает счастье!“ Но вслух сказал другое:

– Тогда следует этим вопросом серьезно озаботиться. Тебя это на самом деле не заинтересовало? Что-то странновато наша экскурсия начинается...

Вопрос был задан в лоб, причем Андрей смотрел на леди Спенсер весьма пытливым и даже тяжелым взглядом.

– Знаешь, дорогой, – она протянула руку, и Берестин тут же подал ей длинную сигарету. Несколько слишком предупредительно. Да какая разница, может, наедине она вообще хлещет его солдатским ремнем. Все бывает. – Знаешь, – повторила она, – я не хотела заострять на этом моменте внимание. Десять к одному, что этот субинтендент на самом деле хотел сорвать соверен или даже гинею...¹⁸

– Если у вас паранойя, это не значит, что за вами не следят, – повторил Шульгин отнюдь не новую остроту.

– Тогда я ставлю гинею против русского бумажного рубля, что здесь замешана твоя альтер-эго, – заметил Новиков, – если мы попали на ГИП, а не куда-нибудь еще, она здесь непременно присутствует. Мы сделали колоссальную ошибку.

¹⁸ Соверен – золотая монета в один фунт стерлингов (20 шиллингов), находилась в обращении до 1917 года. Гинея – золотая монета в 21 шиллинг. Традиционно в гинеях определялись цены на драгоценности, скаковых лошадей и иные предметы роскоши.

ку, подняв на гафеле вымпел сэра Говарда. Меа кульпа,¹⁹ спорить не буду. А ты, миледи, тоже ни о чем подобном не задумалась? Или что?

Начинала закручиваться очень интересная интрига, разборка, поворот сюжета, наконец. Другьям-то можно вкручивать безудержный оптимизм, а для себя с пугающей непреложностью очевидно, что ни одно событие вокруг не происходит *просто так*.

Замысел Новикова понял только Шульгин. Берестин не уловил. Ну, как говорится: труба пониже, и дым пожиже. Не в обиду будь сказано, но уровни синтонности разные.

Сильвия встала с кресла, глазами показала на самый дальний угол гостиной, где рос в кадке фикус, а через открытое окно слышался стук лошадиных копыт и гром железных колесных шин по брусчатке.

Там они остановились, вдыхая запах покрывающего улицы конского навоза, угольного дыма из тысяч каминов, символически отапливающих дома и квартиры.

– Ты все очень правильно понял, – сказала Сильвия, касаясь кончиками пальцев щеки Андрея. Милая ласка перешагнувшей бальзаковский возраст²⁰ дамы в отношении симпатичного юноши. – Это была явная и откровенная подставка. Зачем тратить время на сложные маневры, расставлять

¹⁹ Моя вина (*лат.*).

²⁰ В отличие от распространенного ныне предрассудка, «бальзаковский возраст» – тридцать пять лет.

хитрые ловушки, если достаточно вовремя приоткрыться?

– Толково, – не мог не согласиться Андрей. – Вопрос следующий. Кем ты здесь видишь себя?

– Конечно, Дайяной. Всю жизнь мечтала занять ее место.

– А внешность?

– Не вопрос... Мне потребуется не больше часа.

– Отлично. Час на подготовку, час на то, чтобы разыскать здешнюю Сильвию и содержательно побеседовать. А мы постараемся подготовить почву для разговора. Алексея ты с нами отпускаешь?

– Разве я могу не разрешить?

Берестин, обладавший феноменальным слухом, при этих словах почти незаметно дернул щекой, но Новиков заметил. Слишком напряженно он отслеживал все происходящее вокруг.

В комнате Шульгина они втроем переоделись подходящим образом. В холле пожилой портье скользнул по ним словно и невидящим, но все запоминающим взглядом и вернулся к своему чаю. Джентльмены записались в книге постояльцев, оплатили номера вперед, какой в них интерес? Вот если вернуться поздно, постучат в дверь шиллинговой монетой, будет некоторая польза. Одеты по погоде. С неба сыплется холодный дождь, смешанный с сажей, так что просторные непромокаемые плащи-рединготы, шляпы-котелки и зонты-трости, в раскрытом виде больше метра в радиусе, как раз к месту.

Под такой одеждой можно спрятать любое количество оружия, только оно сейчас было не нужно. Пистолеты, как необходимая часть экипировки светского человека, вроде носового платка, – и достаточно. Сэр Артур Конан-Дойль, правда, писал, что приличный нож и кастет в трущобах Лондона джентльмену необходимы. Кто же будет спорить с таким авторитетом?

...Субинтендента Гэвеллена пришлось немного подождать в глухой тени примыкающего к причалам кирпичного забора. Наконец его смена закончилась. Неизвестно, как и о чем с ним разговаривал начальник таможенного пункта Хикс, но шел он в сторону стоянки кебов на углу Ист-Смит-филд и Тауэр-Хилл в невеселом расположении духа, часто сплевывая жевательный табак.

Андрей с Шульгиным бесшумно выступили из темноты, заломили ему руки за спину, зажали рот и, подхватив под колени, утащили в заранее подготовленное место, где никто не помешает. Регулярная патрульно-постовая служба здесь отсутствует, ОМОНЫ тоже. Не придумали еще, уж больно жизнь спокойная. В стране, где триста лет детей публично казнили за украденную булку, кое-какие признаки законопослушности сохранялись.

Клиента прежде всего надо ошеломить, заморочить ему голову, а уже потом спрашивать, о чем нужно.

Шульгин светил таможеннику в глаза ярким электри-

ческим фонарем, Новиков покачивал в луче сверкающим клинком до бритвенной остроты отточенной финки.

– Кто? Чего вы от меня хотите?.. – задыхался от страха и пережатой гортани Гэвеллен.

Сначала с ним поговорили на не имеющие отношения к делу темы. С хорошим произношением обитателей лондонских доков, мало соотносящимся с нормальным английским языком, Андрей потребовал ответить, сколько мзды взяли с последних партий контрабанды, пришедшей на таких и таких судах (информация из свежих газет), и почему не получил своей доли какой-то наскоро придуманный Билли Пью.

Насмерть перепуганный субинтендент, когда получил возможность говорить, одышливо оправдывался тем, что все вопросы решает через мистера Хикса с господином Блэкферном, и если достопочтенный мистер Пью имеет претензии, то сам он, Гэвеллен, не имеет к этому ни малейшего отношения.

– Вот, у меня в карманах фунт и три шиллинга. Это все. Заберите...

И тут же, как только дыхание восстановилось и мысли пришли, в его тоне прорезались другие нотки.

– А по делу так не говорят. Вам понятно? Блэкферн десять лет держит эти доки, с ним и попробуйте... Зарежете вы меня или нет – никакой разницы. Для настоящих дел. Но обменять фунт с мелочью на веревку – плохая сделка, парни... До завтра едва ли доживете...

– Ох и напугал... – с издевкой просипел Новиков, по лицу которого Сашка как бы случайно несколько раз скользнул лучом фонаря. Два жутких шрама, нанесенных коллодием, придавали Андрею демонический вид. – Был Блэкферн, станет Пью, понятно? Кто успеет перебежать на правильную сторону, окажется в выгоде...

Москва начала девяностых XX века отличалась от Лондона конца девяностых XIX лишь формой ведения подобных дел, никак не сутью. Характеры персонажей оставались прежними.

– Парни, можно, я сяду? – попросил таможенник. – И глоток виски. После станем говорить нормально...

Почувствовал ситуацию, что называется. Так ведь другие, не умеющие чувствовать, и не выживали. Что его собираются убивать всерьез, он вообразить не мог, здесь так дела не делались. С русскими бандитами конца другого века ему встречаться не приходилось.

Однако только на психологических приемах, среди которых блестящий нож был элементом вроде молоточка невропатолога, Гэвеллен *раскололся*. Что называется, до доньшка. Потому что его только в самую последнюю очередь спросили, кто поручил проявить такое пристальное внимание к пассажирам белой яхты. Именно к этой пассажирке, в частности.

– Может быть, это подруга мастера Пью, ты не подумал? А если бы у нее там были бриллианты насыпью? Кто тебе по-

ручил – ответь, сволочь. Скажешь – получишь целых десять фунтов и будешь работать только на Пью. Нет – тебя найдут очень не скоро. А если найдут – мало кто докажет, что это ты.

Терять таможеннику было нечего, кроме жизни, которая утекала прямо на глазах. Судя по взгляду говорившего с ним человека.

Гэвеллен, внезапно испытав *настоящий* предсмертный ужас, признался, что буквально за полчаса до швартовки «Призрака» к нему в конторку зашел довольно прилично одетый господин. Поговорил о том, о сем, как это обычно делается перед изложением заказа, вручил пять фунтов в качестве задатка и крайне вежливо попросил обратить самое пристальное внимание на личные вещи пассажиров...

– Именно пассажиров?

– Именно. Джентльмены его не интересовали. Он описал внешность дам, которые наверняка будут пытаться вынести с яхты **очень серьезную** контрабанду. Довольно приблизительно описал. Главная примета – высокие, стройные, очень красивые, с необычно волевыми лицами. Не похожие на *обыкновенных* женщин...

Новиков подумал, что наводка точная. Если здешняя Сильвия узнала от информатора, что в Темзу вошла яхта под вымпелом одного из координаторов, который вряд ли появился на «чужой» территории лично, без предварительного согласования, что она вообразила первым делом?

Правильно, как у Гоголя: «К нам прибыл ревизор». Ин-

когнито и с особыми полномочиями.

Отчего бы не проверить предварительно, кто и зачем? Чужими руками, естественно, никак не расшифровывая личное участие. Что коллеги-резиденты не дураки – подразумевается, а попробуй докажи такой вот эксцесс! Если играем на уровне Шаров и блок-универсалов – одно дело, а если в людском обличье и по их принципам – так и реакция точнехонько в стиль. От нашего стола – вашему столу.

То, что это будет дама, – почти гарантированно, если руководствоваться существующей пропорцией среди действующей агентуры. С внешностью тоже ясно. Но что Сильвия-1 рассчитывала найти и как инцидент использовать?

– Одну я проверил, вторую – не успел. Не мог я не выполнить прямого приказа старшего. Если бы раньше договорились...

Делая вид, что ему не очень интересен этот случай, просто уточняет некоторые подробности, чтобы не оставалось ничего непоясненного, Шульгин спросил:

– Ну и что у вас считается *серьезной* контрабандой, которую можно пронести в женской сумке?

– Вы может быть не знаете, но из музея принца Уэльского в Бомбее месяц назад украдена крупная партия драгоценных камней, предметов старины, стоящих сумасшедших денег. Об этом не было в газетах, но по подводному телеграфу сообщения получили все, кого это касается. Господин, который говорил со мной, дал понять, что похищенное везет од-

на из дам с этой яхты. Как раз из Бомбея. Господин сказал, что премия составляет десять тысяч фунтов. Я ее получу и поделюсь, с кем скажут.

– Так этот господин был из полиции? – удивился Новиков.

– Боюсь, что нет...

– Тогда в чем его выгода?

– Откуда мне знать? Может, кому-то нужно засадить красоток в тюрьму и получить миллионное наследство. Или – избавиться от надоевшей жены... Совсем не мое дело. Мне и пяти тысяч до конца жизни хватит.

– Теперь скажи, как найти этого негодяя, и мы тебя отпустим. Наше слово крепкое. Говорить о нашей встрече никому не надо, живи, как жил. А когда к тебе придет человек от Пью, станешь работать на него...

Гэвеллен охотно назвал неподалеку расположенный паб, где через полчаса должна состояться встреча, имя контактера, явно вымышленное, конечно, и приметы.

Шульгин на прощание слегка кольнул пациента острием финки в шею, недалеко от сонной артерии. Словно бы в виде намека на будущее. Предварительно он обмакнул кончик ножа в плоский флакончик. Такая инъекция сейчас была удобнее и проще, чем другие способы. Не будешь ведь заталкивать жертве в рот таблетку и заставлять жевать. В виски тоже растворить нельзя, спирт с препаратом несовместим.

– Все понял, Гэвеллен? Тогда иди... И забудь о нашей встрече...

Последнее пожелание отнюдь не было стандартной формулой. Через пять минут, раньше чем таможенник добредет, добежит до своей конторы или стоянки кебов, он полностью забудет о событиях последних суток. Плюс-минус несколько часов, в зависимости от индивидуальных свойств организма.

– Портсигарчики искали, это точно, – сказал Шульгин, когда они не торопясь шли в сторону названного паба.

– А смысл? – спросил Берестин. – Ну, увидел бы он блок, и что? Изъять нельзя – личная собственность. Пистолеты здесь тоже к хранению и ношению не запрещены. Другое дело – модели уж слишком непривычные, но это из другой оперы. Бриллиантов не было и быть не могло. Не вижу логики.

– Поискать можно, – ответил Новиков. – Поэтому ты сейчас езжай к Сильвии, расскажи ей все, пусть думает. А мы посмотрим, появится ли связник, поговорим, если потребуется. Я, например, так себе дело представляю: то, что у здешней Сильвии оказался информатор в портовых службах и он мгновенно соотнес «Призрак» с интересами своей хозяйки, тут же доложил и они начали действовать, – дичайшая случайность, пожалуй. Но – что есть, то есть. Думаю, ей нужно было только убедиться, права она или нет. И выиграть время...

– Какое, для чего? – удивился Шульгин.

– Вопрос не моей компетенции. Бог знает, какие между ними заморочки происходят. Когда за Ириной гонялись те

парнишки, кто со стороны мог понять, в чем дело?

– Вдруг Грину по какой-то причине запрещено появляться в Англии, и приход «Призрака», да под собственным флагом – вызов, чуть ли не объявление войны, – предположил Берестин.

– Тогда наша Сильвия об этом должна знать. И у нее вроде с Говардом были отличные отношения. Судя по тому, что я знал в восемьдесят четвертом... – Шульгин раскурил трубку. При нормальной лондонской погоде самое подходящее – отчего этот прибор здесь так распространен. Сигары джентльмены курят в клубах и дома, сигареты и папиросы в дождь и густой туман весьма неудобны, остается трубка.

– Должна, не должна... Прежде всего, **мы** не знаем, та ли здесь Сильвия или и до нее дотянулась *деформация*... А что за отношения у нее сложились с Грином через восемьдесят лет... Сто раз могли подраться и помириться, – не согласился Андрей. – Одним словом, езжай, Леша, к своей мадам, все расскажи, но до нашего возвращения ничего не предпринимайте. Если не начнется форс-мажор...

– Как думаешь, почему *местные* не воспользовались тем же Шаром? – спросил Андрей, когда они подходили к нужному месту.

Улицы здесь, на окраинах, освещались очень плохо. Газовые фонари мутными пятнами светили сквозь туман, позволяя различать только направление улицы и границу между

тротуаром и мостовой. Окна домов тоже горели очень тускло и далеко не все. Тоскливое зрелище для людей, привыкших к световому буйству современных городов. Даже в двадцать пятом году главные города Югории были полностью электрифицированы.

– Элементарно, Ватсон. У аггров машинки такого класса, что свободно засекают поисковый луч. *Здесьняя* не хотела светиться раньше времени. Решила сыграть *черными*.

– Принимается. Теперь другой вопрос. Си сказала мне в отеле, что в случае контакта с *собой* хочет изобразить Дайяну. Как это возможно? Приезжает на фронт к Маркову, скажем, Жуков, и начинает косить под Сталина. Смешно?

– Не очень. Допустим, *наша* знает, что прошлый раз она контактила с Дайяной в тысяча восемьсот восьмидесятом, а следующая встреча будет в девятьсот четырнадцатом. К примеру. Значит, в этом зазоре она может вытворять что угодно. Располагая вдобавок обширнейшей информацией о своих делах на век вперед... И о том, что вся их агентурная сеть непременно свернется в трубочку и сгорит, как береста в костре. Можно позабавиться напоследок.

– Нам бы в их забавах свои кости уберечь... – с долей сомнения сказал Новиков, едва-едва начавший приходить в себя после тяжелой болезни.

– Выкрутимся, не впервой. А если разборки между господами начнутся, это только на пользу...

– В смысле?

– Маскировка, брат. Мы же со страшной силой боялись здесь какой-то *чуждой* техникой воспользоваться, а если Сильвия и ее подельники портсигары включают-выключают, так на их фоне и мы можем...

– Верно! – как эта простая мысль ему самому не пришла в голову – непонятно. Осталось только убедиться, что эта реальность содержит в себе Сильвию и всех остальных, то есть до нынешнего момента совпадает с исходной ГИП. Если это так – какая разница, десять, условно говоря, сработок блок-универсалов случится в месяц или пятнадцать...

Паб был самый обычный, припортовый. Интерьер его и клиентура, и сам хозяин, наверное, мало изменились за последние триста лет. Длинный и узкий зал с деревянным столом посередине, выструганным из остатков корабельных палуб, стойка справа от входа, обитая регулярно начищаемой медью с подводных частей тех же бригов, барков и клиперов, всякий флотский антураж по стенам. Целый ряд пивных, винных, ромовых бочек, за ними полки с напитками в бутылках. Тусклый, как везде, свет, гул голосов, слоями ви-сящий табачный дым.

Хозяин и три подручных едва успевали подавать гулякам кружки и стаканы.

– Недурно, – сказал Шульгин, машинально касаясь кармана плаща. Из романов прошлого века он знал, что для джентльменов, шатающихся по подозрительным притонам,

подходящим оружием считался кастет. Потому что все они там были боксерами, с раннего детства. Ножи – принадлежность черни, а револьверы – для совсем серьезных разборок, до которых дело доходило редко. Пенитенциарная система здесь уж слишком суровая, виселицу заработать, что в советское время – «трояк».

– Нам, пожалуй, сюда. – Андрей указал на несколько отдельных, огороженных пятифутовыми стенками кабинетов слева, где вокруг квадратных столов стояли массивные, почти неподъемные стулья. Занято из кабинетов было только два, и отдыхали там люди видом попримечнее. Понятно почему. Их обслуживали лакеи, что серьезно повышало цену каждой пинты и кварты. Да и естественная стратификация – каждый посетитель на подсознательном уровне знал свое место. Докер не сядет за стол с мастером или капитаном самого задрипанного каботажного брига. В голову не придет.

А Шульгину с Новиковым в самый раз. Сбросив плащи, они стали неотличимы от моряков торгового флота. По возрасту – третьих штурманов, или даже вторых.

– Что господа желают? – немедленно на пороге возник крепкий парень, судя по огненно-рыжей шевелюре – ирландец. С такой физиономией не в пабе кружки разносить, а купцов в Шервудском лесу грабить. Но – капитализм социализирует людей, часто – против их воли.

– По кварте²¹ пива, самого лучшего, темного, и по стакан-

²¹ Кварта – английская мера жидкости, примерно 1,2 литра (две пинты, 1/4

чику виски, ирландского, конечно, – решил польстить парню Шульгин. – И дюжину устриц... Если живые, а то смотри...

Какое-то время они потягивали пиво, наблюдая подлинную жизнь конца лучшего в истории века, попутно расширяя пассивный запас лондонского жаргона. Время было не слишком позднее, и британцы пока вели себя довольно прилично.

– Наверное, пора, – сказал Сашка, разделавшись со своей порцией действительно неплохих моллюсков. Глотнул пива и направился к выходу. Свежего воздуха глотнуть.

Ожидаемый ими тип появился в ближайшие пять минут. Таможенник описал его достоверно, профессиональный навык, никуда не денешься.

Остановился на пороге, обводя зал взглядом. Вполне естественно, ищет знакомых или прикидывает, найдется ли свободное местечко.

Шульгин навис над ним сзади, поскольку превышал ростом почти на голову.

– Мистер Биллингер? Проходите, мы вас давно ждем...

Чем хороши заведения, подобные этому, – никто не в состоянии подслушивать, о чем говорят соседи, общий шумовой фон перекрывает отдельные слова. А в кабинете можно было вдобавок опустить занавески из выцветшего бордового плюша.

Биллингер не утратил самообладания. Прошел, куда ука-

зано. По щелчку Сашкиных пальцев лакей принес пива новому гостю. На всякий случай Шульгин тут же и расплатился, в качестве чаевых вручив целый шиллинг, или четверть стоимости всего заказа.

– Мистер Гэвеллен очень занят, так что мы за него. Дело сорвалось. Ваша наводка была неверна. У пассажиров яхты не оказалось краденых драгоценностей. – Новиков говорил мягко, спокойно, щеголяя совсем неуместным здесь оксфордским произношением. А Шульгин вытащил из-за пояса финку и принялся чистить ею ногти, разительно контрастируя со своим напарником.

– Боюсь, я не совсем понимаю, о чем вы, – сохраняя поддержку, ответил Биллингер, отхлебывая пиво.

– А это никому не интересно, – сообщил Шульгин. – Выбор у тебя уж больно ограничен... – Он говорил на грубом кокни.²² – Расскажешь, кто наколку дал и зачем, – уйдешь целый. Станешь кочевряжиться (на самом деле слово было другое, английское, но очень близкое по смыслу) – вот это перо в бок, и тебя скорее всего просто сбросят в канал. Зачем людям с полицией и коронерами²³ связываться?

Через полчаса содержательной беседы Биллингер рассказал все, что знал. Особенно откровенным он стал, когда Новиков показал ему черно-белую, помятую, будто ее долго но-

²² Кокни – диалект лондонского простонародья.

²³ Коронер – особый дознаватель для предварительной оценки причин смерти и необходимости возбуждения уголовного расследования.

сили в кармане, фотографию Сильвии.

Андрей не знал точно, в какие эпохи была придумана дихотомия «добрый и злой следователи». Не исключал, что ею пользовались еще инквизиторы. Но работала она хорошо. Как бы между прочим «добрый», он же Новиков, объяснил Биллингеру: шансы у него есть, если тот является постоянным сотрудником указанной леди. Если нет, «шестерка одноразового пользования» для дальнейшей разработки интереса не представляет.

Шульгин положил финку рядом с кружкой, внимательно наблюдая за руками клиента, вдруг кинется к оружию. Если кадровый аггрианин, реакции может почти хватить. Достал из кармана золотой портсигар.

– Такую штуку когда-нибудь видел?

По почти неуловимому движению мимических мышц Биллингера понял, что видел. И знает, что это такое.

– Вот и разобрались. Встали и пошли. В другом месте спокойно поговорим.

Глава пятая

Когда Новиков с Шульгиным увидели Сильвию, приготовившуюся к своей новой роли, то испытали чувство, близкое к удивлению, невзирая на привычку к любым странностям жизни. На Дайяну она походила поразительно. Чуть помоложе, поизящней фигурой, килограммов на десять, наверное. Видимо, так Главная координаторша выглядела в прежние времена. Леди Спенсер лучше знать. Но в целом – прямо-таки изумительная женщина. Что-то в духе Бердслея,²⁴ особенно если ее раздеть, в чисто эстетических целях.

Пользуясь отсутствием здесь своих женщин, они выразили восхищение всеми подходящими словами и жестами.

– Спасибо, но ведь комплименты относятся не ко мне? – ответила она, слегка кокетничая/ А может быть, и всерьез.

– Ровно в той мере, как к великой актрисе, выходящей на аплодисменты. Безотносительно, какой на ней костюм и грим, – со всей куртуазностью ответил Новиков.

– Хорошо, принимается. Кого это вы с собой привели? – спросила Сильвия, обратив внимание на переминающегося у порога прихожей англичанина.

– А это тебе объект для изучения. Что скажешь? – Шуль-

²⁴ Бердслей (Бердсли), Обри, английский художник конца XIX века, знаменит графическими рисунками изысканных женских фигур, предшественник стиля «модерн».

гин подтолкнул пленника в гостиную.

Леди Спенсер окинула его нарочито небрежным взглядом. Как курьера, доставившего письмо.

– Очень приятный молодой человек, что еще скажешь до вскрытия...

Подходящее начало для душевного разговора. Британский юмор или намек, особенно зловещий в устах прелестной дамы, окруженной ароматом духов и ярко выраженной сексуальности.

Да Биллингер и без того был подготовлен к откровенной беседе. Сильвии и затрудняться не пришлось. Этот господин принадлежал к категории «близких сотрудников», каким мог бы стать и Новиков, если бы принял самое первое предложение Ирины. Природный землянин, завербованный *в открытую*, то есть знающий, кем является его хозяйка, посвященный во многие детали, намного более просвещенный, чем обычные его современники, работающий не за деньги, а за бессмертие. Вернее – за полтораста-двести лет здоровой и насыщенной жизни, что практически одно и то же в мире, где до семидесяти доживали редкие персонажи, не исключая лиц королевской крови. Из русских царей, например, ни один не дожил.

С такими людьми очень просто разговаривать. Слишком несопоставимые по значению и ценности гирьки лежат на весах.

Искать Сильвию-1, а еще проще – «/99», не требовалось.

Она по-прежнему (то есть изначально) проживала в своем особняке окнами на Грин-парк и, по позднему времени, должна была быть дома. Особенно – ожидая информации от Биллингера.

– Это ничего, если мы к ней завалимся такой компанией? – шутивым тоном спросил Шульгин.

Ответа не последовало. Пленнику было не до того, а Сильвия перешла на русский, которого Биллигер не знал, и начала подробно инструктировать своих спутников.

На двух кебах они подъехали к знакомой всем, кроме Берестина, двери. Шульгин, вспоминая молодость (не такую уж близкую – предыдущий визит в этот дом состоялся почти столетием позже), подергал за рычаг механического звонка, дождался, когда ответит швейцар. Подтолкнул вперед Биллингера, чтобы ответил, как надо.

Да, леди Спенсер, встретившая их на пороге гостиной второго этажа, выглядела не столь соблазнительно, как в восемьдесят четвертом. Мини-юбка красит женщину с хорошими ногами гораздо больше, чем платье с турнюрком.²⁵ Возрастных изменений он в ней не заметил, только макияж был грубее и примитивнее.

Вторая леди Спенсер, изображающая из себя Дайяну, до последнего держалась позади, надвинув на лицо капюшон

²⁵ Турнюр – модная в конце XIX века деталь женского платья в виде подушечки, подкладывающейся сзади ниже талии.

плаща.

– Генри, кто это с вами? – несколько нервно спросила *эта* Сильвия.

– Те, кто вас интересовал, миледи, – ответил Биллингер, как его научили.

На самом деле на миледи из известного фильма в исполнении Милен Демонжо²⁶ куда больше походила другая Сильвия, преобразившаяся в Дайяну. Только она была темноволосой.

Новиков, избавившись от депрессии, пребывал в постоянной легкой эйфории и с нетерпением ждал, когда две сиамские кошки встретятся лицом к лицу. Это сулило новые и интересные впечатления.

– Во-первых, это я, – с достоинством произнес Шульгин и представился: – Ричард Мэллони, эсквайр, родной племянник известного вам сэра Говарда.

На Сильвию это впечатления, судя по мимике, не произвело, не фигура, мол.

«Так чего же ты так засуетилась, милейшая? – подумал Сашка. – За пару часов налет подготовила на яхту никчемного человечка...»

– И я, – шагнул вперед Берестин, выглядевший, как в свои лучшие лейтенантские годы. Конечно, соответствующая эпохе одежда его тоже не украшала. В кителе с ремнем

²⁶ Милен Демонжо – французская актриса, исполнившая роль леди Винтер в фильме «Три мушкетера», чрезвычайно популярном в СССР в начале 60-х годов.

и португеей, умело подшитых галифе и заказных сапогах он смотрелся бы гораздо интереснее. Зато хватало исходящих от него воли и характера.

Новиков ничего не сказал, с вялым любопытством пресыщенного туриста переводя взгляд с хозяйки на интерьер холла и обратно. Руки он держал в карманах брюк. Совсем невоспитанно, но как бы с намеком, что имеет для этого основания.

Лицо хозяйки дома напряглось. Элементарно может на опережение и пальнуть из своего блок-универсала. Поскольку уже впала в некоторую панику.

И тут, в лучших традициях драматических театров, из-за спины мужчин выступила Сильвия-Дайяна, сбросившая свою маскировку.

Это было красиво.

Одета была вторая Сильвия тоже в соответствующее эпохе дорожное платье, но это как-то не воспринималось. Ей хоть туника, хоть телогрейка – без особой разницы. Она была царственна, и этим все сказано.

– Верховная... Это вы, Верховная? – пролепетала Сильвия вмиг ставшим непослушным языком. Опыта у нее было маловато в сравнении с любой из своих старших аналогов. Ни мировых войн, ни революций она не пережила, то есть фактически, являясь агтрианкой со всем набором способностей и возможностей, она одновременно была женщиной этих спокойных, *застойных*, выражаясь языком далеких

будущих, времен. И не могла быть иной, поскольку нечего здесь делать суперэмансипированной даме конца XX века. Разве что пираткой стать или аморальной владычицей какого-нибудь варварского княжества.

— А кто же? Я рада, что вы хотя бы не забыли мой облик, должность и полномочия. А теперь ведите...

— Куда?

— В любое место, где можно спокойно поговорить. Если будете так любезны, можно в столовую. Самое время для позднего ужина...

Схватки сиамских кошек, на которую рассчитывал Нювик, не получилось. Сильвия-Дайяна издевалась над своей предшественницей не хуже, чем въедливый полковник из округа над инспектируемым командиром роты провинциального гарнизона. Преимущество первого заключается в том, что он может делать все, что взбредет ему в голову, говорить любые глупости, требовать исполнения самых дурацких приказов, а второй может только вытягиваться в струнку, материться в душе и отвечать: «Есть, будет исполнено!»

Первым делом Сильвия-84 потребовала отчета, с какой именно целью был устроен цирк на таможне.

Ответ Сильвии-99, совпадающий с первоначальным предположением, что она просто хотела выяснить, кто и с какой целью явился в Лондон под флагом сэра Говарда, Верховную не удовлетворил. Последовал резкий разнос, в об-

щем – не вполне заслуженный. В пределах своей компетенции и контролируемой территории координатор имела право использовать любые методы, которые сочтет необходимыми. Но ссылаться на это – почти то же самое, как начальнику патруля сначала попытаться арестовать генерала, а потом оправдываться тем, что обознался.

В подобном духе Сильвия-Дайяна и выразилась.

– Делать вы действительно можете почти все. Но не то, что нравится лично вам, лишь то, что идет на пользу Главному делу. А если вы начинаете плести интриги против своих коллег и сотрудников, это может квалифицироваться... – Как именно, она говорить не стала. Недомолвка часто имеет большее воспитательное значение, чем прямая угроза. – Вдобавок вы осмелились причинить неудобства лично мне! Для вас что, уже не существует авторитетов? Не слишком ли много вы о себе возомнили?

– Но, Высочайшая! Откуда я могла знать, что вы изберете для Посещения столь необычный способ? Если бы я получила сообщение...

– Незнание – не оправдание! Как, где и в каком облике появляться – моя прерогатива. Вы, в свою очередь, должны принимать решения на основе всестороннего предварительного изучения... Вы с Шаром советовались?

Вошедшая во вкус своей новой роли леди Спенсер трамбовала подчиненную по полной программе, попутно выясняя интересующие Братство детали здешней оперативной

обстановки. Делать это было тем более легко, что она вполне прилично помнила собственные операции, проводимые тогда, то есть сейчас. Много, конечно, с тех пор воды утекло, кое-какие детали, конкретное содержание казавшихся тогда важными бесед с министрами и членами парламента стерлись из памяти. Для чего и пригодилась хозяйка дома.

Мужчины, усаженные за отдельный стол, в разговоре не участвовали, сознавая свое подчиненное положение, тем более что дамы часто переходили с английского на агтрианский язык.

Они в основном, отдавая должное ужину и напиткам, потихоньку *потрошили* Биллингера, но выглядело это вполне невинно, как ни к чему не обязывающий треп адъютантов занятого государственными делами начальства. Позволили выпивать и закусывать, не дергают поручениями – вот и слава богу. Жаловались друг другу на трудности и неблагодарность выпавшей службы, но касались и выпадающих в ней радостей и преимуществ перед «серой пехотой»... Совершенно обычный разговор, позволяющий при должном опыте выяснить у коллеги такие вещи, которые в ином случае он не выдаст и под пыткой.

Шульгин одновременно с любопытством рассматривал помещение и другие комнаты, которые просматривались в перспективе сквозь открытые двери. То, что попадало в поле зрения, изменилось поразительно мало. Что значит сила вековых традиций и налаженного образа жизни целых поко-

лений. Мебель в стиле «хай-тек», естественно, отсутствовала, и радиоэлектроника, зато почти все остальное – как было (будет). Те же картины на стенах и скульптуры по углам, напольные часы в простенке, мерно качающие начищенным маятников и низким, долго не гаснущим звоном отбивающие четверти часа. Он испытывал здесь легкое ностальгическое чувство и думал, что не прочь бы еще раз пережить то, что здесь однажды пережил.

Новиков, потягивая ирландский виски со льдом, думал о другом. Как сильно повезло Ирине, да и всем им, что за ней тогда явились плохо подготовленные (точнее – не настроенные на серьезное сопротивление *объекта*) оперативники, а не такая дамочка. Ирину бы она сломала враз, и все их «домашние заготовки» ушли бы коту под хвост. Эпопея закончилась бы не начавшись. А уцелевшие герои продолжали бы влачить исходное существование, за почти недостижимой по причине горбачевских новаций выпивкой на кухнях и в рабочих кабинетах обсуждая пути и перспективы «перестройки».

– Проводите меня в свой рабочий кабинет, – наконец сказала «Дайяна», отодвигая чайную чашку и первой вставая.

Кабинет Сильвии-резидента, а не светской дамы, который у нее тоже имелся, был, с поправкой на время, таким же точно, как у Ирины, у Лихарева, всех прочих координаторов. Все они прибывали на Землю с довольно ограниченным набором приборов и инструментов, а все остальное, потребное

в работе, мастерили на месте, совершенствуя по мере течения человеческого прогресса. Этакий «кружок технического творчества», как однажды сформулировала Ирина в разговоре с Новиковым. Определенный смысл в этом был, в рамках теории сохранения интеллектуально-технического баланса. Все здесь было ей знакомо до последнего гвоздя, до содержимого каждого шкафчика и ящиков в нем. Расположение и коды тщательно спрятанных сейфов. Но держалась она так, будто попала сюда впервые.

– Где твой Шар, милочка? – спросила Сильвия-Дайяна, садясь в кресло перед рабочим столом.

Сильвия-99 покорно вынула его из специальной ниши, прикрытой большой гравюрой в медной раме.

Шар, как известно, является альфой и омегой власти любого резидента. В зависимости от введенных в него установок он позволяет быть «царем Горы», самым сильным и информированным субъектом данной реальности. Обеспечивает постоянную связь, интеллектуальную и административную поддержку «Генштаба» на Таорэре. Стоит захотеть «Высшим», а то и обычному оператору, заведомо искаженные подсказки и указания Шара могут низвести успешного координатора до уровня дауна в компании нормальных сверстников. Причем чем координатор дисциплинированней, тем легче его *подставить*. Ирина в свое время, увлекшись Новиковым и его друзьями, вообще перестала реагировать на поступающие команды, это ее и спасло.

– Объявляю тебе, резидент Сильвия, что до особого распоряжения уровень твоих полномочий снижается на две ступени. С оставлением в прежней должности.

Сильвия-Дайяна была грозна и прекрасна. Она откинула крышку Шара, что-то там сделала и снова поставила на стол. По сути этот жест приравнивался к срыванию звездочек с погон.

– Отныне ты на двадцать лет лишаешься права самостоятельно обращаться к руководству Таорэры. Если возникнет необходимость, тебе поступят указания. Дай мне твой блок-универсал...

Сильвия-99 покорно протянула начальнице свой портсигар.

Одно легкое движение ладони, и сверкающих алмазов на крышке стало гораздо меньше, и они приобрели иную конфигурацию. Это преобразование лишило девушку положения «старшей среди равных», возможности руководить другими координаторами и координаторшами Земли за пределами Западной Европы, то есть на самом деле разрывало связь в цепи аггрианской агентуры. Данная Сильвия оставалась вроде бы и всевластной, но только в ограниченном регионе: непосредственно Метрополия, половина Европы и британские Доминионы. В частности, из-под ее влияния полностью уходила Российская Империя.

– Но за что, Великая, в чем я провинилась? – Из глаз разжалованной леди Спенсер потекли крупные слезы обиды и

жалости к самой себе.

– По-настоящему – ни в чем, дорогая. Если бы ты провинилась, наказание последовало бы немедленно, и ты знаешь какое... А сейчас я привожу положение в соответствие с распоряжением ТЕХ, КТО ВЫШЕ НАС. Решено, что система контроля за Землей должна стать более децентрализованной. Я тебе даже слегка завидую – в твоей жизни ничего не меняется, а ответственности намного меньше. Клянусь, хотела бы с тобой поменяться... Принеси мне бокал джинна с хинным тоником. Себе тоже возьми...

Когда Сильвия вернулась с двумя бокалами, грозная повелительница выглядела совсем благодушно. Ну а как иначе? Сначала наведи на подчиненных страх божий, потом начинай разговаривать по делу.

– Я не ошибаюсь, ты сейчас занимаешься обеспечением грядущей Англо-бурской войны? – спросила Сильвия-Дайяна, делая миниатюрный глоточек. Дамы Викторианской эпохи не могут уподобляться простолюдинкам. Если дают себе волю, так без свидетелей.

– Да, Верховная... Так мне было предписано. И я сделала многое... Никто не вправе меня упрекнуть...

– Забудь об этом. Планы поменялись. Все свои способности тебе предстоит направить на подготовку англо-германской войны. Другие координаторы получают свои задания. Есть мнение – сейчас нужно, чтобы они работали независимо друг от друга. В чем причина – тебя и тебе подобных

интересовать не должно. А Капская колония, Трансвааль... Забудь... Пожалуй, я задержусь в Лондоне на определенное время, сама займусь практической работой. Иногда нужно восстанавливать навыки, они так быстро забываются...

– Но я ведь сама родом из Капской колонии... Там мои родовые земли...

– Забудь, – жестко повторила Сильвия-Дайяна. – Родом ты совсем из другого места, не думаю, что тебе хочется вернуться туда раньше, чем *придет время*. У тебя не может быть личных интересов и сентиментальных воспоминаний. С завтрашнего дня ты будешь делать все, что в твоих силах, чтобы убедить влиятельную часть общества в необходимости сближения с Россией для противодействия кайзеру и французам.

– Но как же, Величайшая? Ведь только от победы над бурами зависит дальнейшая европолитика! Контроль над всем Югом Африки, над германскими колониями, над французскими притязаниями на соперничество, наконец... То, что вы предлагаете... Это ведь смена многовекового вектора...

– Милейшая, вы хотите, чтобы я сейчас же заменила вас на другую персону? У меня есть. Один из двух приятных мужчин, что пришли со мной. Какой из них вам больше нравится в качестве будущего резидента?

Сильвия-99 помертвела лицом. Это трудно описать, но так это выглядело. Уже не из генералов в майоры, а в рядовые, причем не в английской армии, а в русской, времен императора Николая Павловича. Где бывшего свитского офи-

цера и на Кавказ могут направить, под пули чеченцев и черкесов, и сквозь строй в пятьсот шпицрутенгов прогнать, если потребуется...

– Какое вам дело, дорогая, до европолитики? Двадцати лет не прожила здесь и стала себя отождествлять с этими... – Жест и выражение лица Сильвии-Дайяны были до предела презрительны. – Интересы Великого Проекта никак не подразумевают личной привязанности к какой бы то ни было цели или идее. Неужели вы забыли и это? Вообразили, что вы на самом деле титулованная особь одной из человеческих общностей? Вам понравилось ощущать себя так?

– Простите, Верховная, я на самом деле совершила много ошибок. Но если бы мне было позволено...

– Будет, будет позволено, не нужно так нервничать. Ты останешься при своей должности. Но впредь будь поаккуратнее. В мыслях и поступках.

Самое интересное, что о сути действительных «ошибок» резидентки напрямую не было сказано ни слова. Все происходило на уровне намеков и оттенков смыслов. Начальник сказал, что ты плохо подстрижен для строевого смотра, и он будет прав, невзирая на то, что ты от природы лысый. Ничего не докажешь...

– Теперь успокойся, дорогая, – сказала едва ли не материнским тоном Сильвия-Дайяна, как бы между прочим трогая пальчиком с длинным наманикюренным ногтем нужные ей контакты распределительного щита. Сильвия видит это-

го не могла, занятая собственной внешностью – устранением следов слез с накрашенных глаз и напудренных щек. – Считайте, что я провела с вами воспитательную беседу. Иногда такое приходится делать. Это входит в мои обязанности. Подготовь мне все материалы, абсолютно все, компрометирующие тем более, на каждую значительную персону истэблшмента. На членов королевской семьи тоже. Если тебя по-прежнему волнует Британия, постоянно держи в уме, что у нее нет ничего, кроме *интересов*. Какие интересы появились сейчас – буду решать я. А сейчас мы вернемся в столовую, и до тех пор, пока потребуется, ты будешь воспринимать советы моих сотрудников, как мои собственные. Если кто-нибудь из них захочет переспать с тобой – соглашайся со всей радостью. Своего Биллингера отошли. Здесь и сегодня он больше не нужен. Я тоже вскоре вас покину. Не расстраивайся, любое бытие лучше небытия...

Это прозвучало достаточно угрожающе. Вроде как вопрос Сталина Михаилу Кольцову при вручении ему ордена: «Но вы же не собираетесь застрелиться?»

Ответ журналиста не имел никакого значения.

Когда они вернулись к себе в отель, Сильвия попросила Новикова, Шульгина и Берестина задержаться на несколько минут.

Вернулась в легком платье выше колен, надетом, похоже, на голое тело. Устала она от тугого корсета, турнюра и про-

чих утомительных предметов женского туалета. Но все равно оставалась в облике Дайяны, что подсознательно волновало не только Андрея и Сашку, но и Алексея. Хотя ему-то повезет обладать этой женщиной, если она вдруг не сбросит маскировку.

– Одним словом, так, *дорогие друзья* (по-английски это имеет несколько другой оттенок, чем по-русски, но тут уж ничего не поделаешь), в результате сегодняшней акции мы себя достаточно обезопасили. Выиграли несколько темпов. В правительстве начнутся разброд и шатания. Партия войны наверняка потеряет имеющийся перевес. Очень может быть, что несколько активизируют свои позиции Германия и Россия. Тамошние координаторы, получив свободу, начнут проводить политику, независимую от сидящего в Лондоне резидента...

Она на несколько секунд словно вернулась мыслью в собственное прошлое. Взгляд ее слегка затуманился.

– Алексей, налей мне немножко розового...

Не беспокоясь о пристойности своей позы, расположилась на широкой оттоманке,²⁷ приняла из рук Берестина бокал королевского розового джинна, от поднесенной зажигалки прикурила сигарету. Новиков мельком, по привычке вникать даже в кажущиеся *сейчас* никчемными вещи, которые могут оказаться значащими когда-нибудь потом или никогда,

²⁷ Разновидность дивана в турецком стиле, с мягкими подушками и валиками вместо спинки и подлокотников.

подумал, что Сильвия демонстрирует не принадлежащие ей прелести точно так, как ребенок, которому позволили поиграть с чужой игрушкой.

– Я сейчас подумала, наверное, стоило бы настоящей Дайяне в это же время поступить подобным образом. Вы догадываетесь, что теперь случится?

– Догадаться можно, – ответил Новиков, – но давай твою трактовку...

– Да мы же только что совершили МНВ для возникновения реальности-2055... Сильвия потеряла возможность конструировать мировую историю по лекалу британских интересов, и теперь начнется свободная игра возможностей и воля...

– Спасибо, Си, можешь не продолжать. Дальнейшее вообразить не трудно. Ты абсолютна права, этот мир станет гораздо нестабильнее, но весь пар международных отношений уйдет в свисток раньше, чем давление поднимется до взрыва в виде мировой войны...

– В любом случае вам в Южной Африке будет намного легче, чем в предыдущем варианте...

– Нам? – спросил Новиков. – А ты что, не с нами?

– Я с вами, но не там. Посудите сами – для чего мне пробираться по саванне и джунглям, трястись в допотопных фургонах, отстреливаться от кафров?

На самом деле, зачем рафинированной даме все это? Возразить было нечего. Она ведь не писала на школьных уроках

и институтских лекциях подражания Буссенару, Жаколио и Конан-Дойлю.

В дебрях неосвоенного континента ни ежедневного душа, ни биде, ни вовремя поданного вышколенной служанкой файв-о-клока.

Ловить ей тоже нечего. Жажды самоутверждения она лишена, винтовка в руках не вызывает выброса адреналина, бриллианты проще купить в магазине на Пэлл-Мэлл или Хаймаркет, чем разыскивать их на дне душных, пыльных, готовых вот-вот обвалиться колодцев.

Она права, спорить не с чем. Затягиваясь сигаретой, Новиков смотрел не на нее, а на Берестина. Ни о чем не спрашивая, упаси бог. Каждый сам хозяин своей судьбы. И когда Алексей, сбивая пепел с сигары, аккуратно отвел взгляд в сторону, все стало понятно.

Так – значит, так. Кому-то и тылы прикрывать, не всем лезть в пекло передовой. Хотя и слегка жаль. По прежней легенде Берестин в бурской армии проявил недюжинные способности и дослужился до фельдкорнета.

Ничего, Шульгин дослужится, у него тоже генеральские задатки имеются.

– Тогда тебе, Си, придется продолжить в том же духе. Прежде всего, озаботиться тем, чтобы немцы и португальцы *не замечали* заходов наших кораблей в порты Германской Юго-Западной Африки и Мозамбика. С остальным мы разберемся сами... Придумай Алексею подходящую должность,

например – секретного уполномоченного тайной организации «Друзей Трансвааля» с отделениями в Берлине, Петербурге, Париже, Лиссабоне и так далее, – сказал Новиков. – Нам нужен будет энергичный «серый кардинал» в предстоящих исторических катаклизмах...

По лицу Берестина было видно, что он испытал огромное облегчение при этих словах. Ссориться с друзьями или выглядеть перед ними предателем, выбравшим вместо мужского дела бабью юбку, Алексею хотелось меньше всего. А так – у него просто появится своя серьезная работа. Членом же команды «кладоискателей» он никогда не был, зачем теперь постороннему (в этом смысле) человеку вмешиваться в чужую детскую мечту?

– С самого начала так и получалось, – чисто академическим тоном, исключая обывательские эмоции, вставил Шульгин, – наше дело – это наше. Никому больше не интересное. Ты, Леша, с собой в пару обязательно Кирсанова возьми, это ему очень по душе будет. А на должность главного военного советника Басманова пригласим, он у нас в Гвардейской конной кавалерии служил, для бурского театра – незаменимый специалист...

На том и разошлись. Самое интересное, что Новиков, узнав о выборе Берестина, испытал не замутненное никакими посторонними доводами облегчение. О чем они там ни договаривались, все ж таки Андрею, когда они оказывались втроем – он, Ирина и Алексей, бывало не совсем комфорт-

но. Очень существенным показателем того, что прошлое не забыто, был не каждому понятный штрих – они все старательно избегали даже намек на тот не слишком долгий отрезок времени.²⁸ Если бы все прошло – легко можно было вспоминать какие-то общие, забавные случаи и подробности, подшучивать друг над другом, временами даже и бес тактно, чего между своими не бывает? А тут словно лежала рядом взведенная мина, и лишние шевеления возле нее угрожали взрывом.

А так вроде все определилось окончательно.

Ушли они от Сильвии вдвоем и немедленно направились к Левашову. Олег еще не спал, и Лариса в отличие от Сильвии была одета по-домашнему, но комильфо.²⁹

– Слышь, Ларк, – по-свойски начал Шульгин, который в отличие от Новикова комплексов по поводу своих отношений с девушками не испытывал, – тут нам для префа срочно четвертый потребовался, так мы Олега возьмем?

Улыбку Ларисы нужно было видеть. Словами это трудно описать.

– И мизер, уже открытый, на столе лежит?

– Ну, не совсем чтобы так...

– Когда тебе потребуется дура на харбктерную роль, ты

²⁸ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

²⁹ Комильфо (*франц.*) – дословно – «как надо». В соответствии со светскими правилами, приличиями.

мне заранее скажешь... – Это Лариса намекнула на то, что Сашка некогда слегка подвизался на театральных подмостках. – Главное не забывай – восьмерка на руке без своего хода, да на длинной масти – страшная штука. Живым хоть обещаете к утру вернуть?

– Да ты о чем, мы вправду, – поддержал друга Новиков. А Левашов уже одевался.

– Когда-нибудь и отдохнуть же надо...

– Вы у меня отдохнете... Валите отсюда, пока я добрая. И без глупостей... – Последние слова были обращены непосредственно Олегу.

– Дорогая, нет хода – не вистую. С молоком матери...

– Нет, она у тебя классная баба, – от всей души сообщил Левашову Андрей, когда они сбежали вниз по лестнице. Возрастные изменения против воли очевидно начали себя проявлять. Веселость и радость жизни по самым незначительным поводам гораздо ярче вспыхивает в двадцать, чем в сорок. Мозги мозгами, а эндокринная система иногда поважнее бывает.

– И даже более чем... – охотно сообщил Олег. Ему «двадцатилетняя» Лариса, у которой как бы не было теперь всего последующего жизненного опыта, тоже нравилась.

В холле нижнего этажа отеля, «рецепшн», или «рецепция», где во времена большей человеческой мобильности, туристского бума и тому подобного должны были бы тол-

питься кандидаты в постояльцы у стойки портье (администратора по-нашему), чего-то требовать, заполнять «карточки гостя» и вообще вести себя слишком нервно (а вдруг мест не хватит?!), царила тишь, гладь и божья благодать. Проблема сейчас была у хозяев: найдется ли достаточное количество желающих отдать свои «фунты, франки и жемчуга стакан»?³⁰

Потому под пальмами, фикусами и даже рододендронами стояли столики, официанты в белых сюртуках разносили напитки, любые, существующие внутри и в ближних окрестностях Европы. Господа (мужчины исключительно) то ли еще не хотящие подниматься в номера, то ли спустившиеся из них по какой-то надобности, кто в пальто, кто в смокингах, опрокидывали рюмки и стаканы, нещадно дымили всем, что позволяет преобразовывать «герба никотиниана» в радующий душу продукт. Вредный для здоровья, безусловно, но это отдельная тема.

– Мужики, – сообщил Левашов, причем по-русски, что совершенно никого из окружающих не заинтересовало. Тут говорили даже на урду. – Давайте присядем вон под той пальмочкой у окна, спросим три по сто, и вы мне все расскажете. Я и так понял, у вас получилось, но все же...

– Вообще мы хотели сообразить то же самое, но у Воронцова, – без выраженного давления, просто в виде информа-

³⁰ Цитата из блатной песни («шансон», как сейчас называют) пятидесятых годов XX века.

ции, сказал Шульгин.

– Успеешь, – отмахнулся Олег. – Я на свободе, я гуляю. Денег у меня навалом. Могу за весь здешний кагал заплатить...

– Эй, брат, ты чего? С Лариской перебрал? С виду и не заметно было... – ощутил тревогу Новиков.

– С какого перепугу, Билли? – Это Левашов вспомнил старое, теперь вновь входящее в употребление прозвище Новикова. Он демонстративно вздернул обшлаг рубашки, показал друзьям зеленый экран гомеостата.

– Вопросы есть? Вопросов нет... – и тут же расстегнул браслет. Сунул бесценное для любого гуманоида устройство в карман. Слово старые тридцатирублевые часы марки «Победа».

– Убедились? Это первая. – Он широким жестом подозвал лакея, снял с подноса три стопки виски. – Рассказывайте. Вы куда более вздрюченные, чем я... А для Воронцова нужно будет выстроить более изящную концепцию. Или я чего-то до сих пор не понимаю?

Новиков внимательно посмотрел на обоих старых друзей. «А вот получилось, что бы кто ни говорил! Сидим мы здесь, на вид второкурсники, третьекурсники от силы. И все происходит, как придумано. Никого нам больше не нужно на этом свете. Помогающих или мешающих. Забыть, вычеркнуть из жизни и памяти минувшие двадцать лет. Совсем. Как их и не было.

Откроем мысленно тетрадку в синем ледериновом переплете. С одной стороны – запись лекции по истории КПСС, с другой, задней – черными чернилами китайской авторучки с золотой рыбкой (китайские вещи тогда – совсем не то что сейчас) написанные моей рукой отрывки все того же бесконечного романа.

«...Оправив синий китель с золотыми нашивками на рукаве, он спросил девушку с мечтательными глазами, медленно пригубливавшую бокал шампанского за соседним столиком:

– Не позволите ли вы после этого мне пригласить вас на танго?

– А кто вы? С незнакомыми я не танцую...

– Капитан Немо, если вам угодно, а на самом деле – капитан цур зее³¹ Вильгельм Пфеннигер...

– Такой молодой? Вы, наверное, подводник? – Эти слова выдавали в девушке большую информированность.

– Да. «Хог», «Абукир», «Кресси» и «Лексингтон» – моя работа...³²

– Неужели? Я о вас читала. Конечно, первое же танго – ваше...

Девушка встала, и он убедился, сколь прекрасна ее фигу-

³¹ Капитан цур зее – капитан 1-го ранга в германском флоте.

³² Если кто не знает – три первых названных корабля, английские броненосные крейсера, потоплены 14 сентября 1914 года подводной лодкой «U-9» под командой капитан-лейтенанта Отто Ведингена, американский авианосец «Лексингтон» – японской авиацией 8 мая 1942 в сражении у Мидуэя.

ра».

Само собой, со стилистикой не все тогда у него было гладко, но что вы хотите от двадцатилетнего парня эпохи дозревающего социализма? Да еще когда лектор бубнит, а соседи по столу играют в «балду», и на часы посматриваешь, скоро ли эта мутотень кончится. Тут и Марсель Пруст затруднился бы ваять свои шедевры.

Ладно, девушки пока нет, но все остальное – в порядке.

– Карт-бланш нами получен, – доложил Новиков Олегу и в общих чертах обрисовал сложившееся на текущий момент положение вещей.

– Теперь нам остается предоставить всем желающим заниматься делами по собственному усмотрению и не вмешиваться в наши. Что бы там отныне ни творилось в мире, мы получаем великолепную возможность «пожить на свои». Отвлекающие операции в *большом мире* естественным образом окажутся столь масштабными, что наша мышинная возня у подножия пирамиды никого не заинтересует.

– Образно излагаешь, – одобрительно кивнул Левашов. – Ну так вперед. Ты, Саш, уже составил списки нужного нам на трехмесячный поход снаряжения?

Шульгин постучал себя пальцем по виску.

– Все давно здесь. Осталось распечатать с учетом «вновь открывшихся обстоятельств».

– Вот и приступай, а к Воронцову завтра пойдем, с готовыми документами и на свежую голову. А сейчас не сыграть ли действительно, вот Лариска удивится нашей непроходимой честности.

– Отлично придумано. Новая жизнь начинается с чистого листа...

– С разграфленного, – уточнил Новиков, – для начала – по пенсу вист.

– А может – по шиллингу?

– Когда до копей доберемся, можно будет и по фунту. А пока нужно экономить. Дорога дальняя...

Глава шестая

Без особых приключений «Валгалла» с «Призраком» на хорошей скорости спустились Атлантикой до широты островов Тристан-да-Кунья, откуда, сменив курс на ОНО, начал огигать южную оконечность Африки. Август Северного полушария, как известно, в Южном соответствует февралю. После пересечения тропика Козерога (23 градуса ю.ш.) погода ощутимо испортилась. Начались частые шквалистые ветры, разгонявшие океанскую волну до пяти баллов, почти ежедневно опускался плотный туман, то и дело переходящий в холодный дождь. Столбик спирта в термометрах не поднимался выше пятиградусной отметки Цельсия.

– Субтропики, чтоб им пусто было, – выругался Шульгин, крепко вцепившись в поручни рубки. За стеклами лобового окна бесконечными грядами набегали на форштевень яхты отороченные пенными гребнями мутно-серые валы. Высокий полубак то и дело накрывали потоки воды. «Призрак» то взлетал бушпритом к рваным черным тучам, то проваливался, обнажая корму, и тогда по ушам ударял пронзительный вой набравших опасные обороты винтов.

Хорошо, что друзья, конструируя и перестраивая «Призрак», предусмотрели и устранили вечную беду парусников и вообще любых кораблей того времени – сырость. Обычно она проникала везде, делая жизнь мореходов невыноси-

мой, точнее – почти невыносимой, раз моряки как-то выжи-
вали. Даже командующий германской эскадрой в южных мо-
рях граф фон Шпее в свои шестьдесят лет ужасно страдал от
ледяного конденсата, постоянно льющегося с подволока его
адмиральской каюты.

Зато яхта от подобного была избавлена. Швы корпуса, лю-
ки, окантовка иллюминаторов, двери между отсеками герме-
тичностью не уступали космическому кораблю. Волны, бес-
препятственно прокатывающиеся по палубе от бушприта до
кормового обвеса, моментами заливающие даже крылья мо-
стика, бьющие в остекление рубки, уходили, стекали в шпи-
гаты, но внутрь «прочного корпуса»³³

³³ В данном случае подразумевается, что на «Призраке», как на подводной лод-
ке, все внутренние жилые и служебные отсеки были специально герметизирова-
ны и дополнительно бронированы, помимо общего – «легкого» корпуса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.